

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА
И. П. ПЕТРОВИЧ

МОСКОВСКИЕ ЦЕРКОВНЫЯ ВЪДАНІЯ

ГОДЪ XXXIX.

Еженедѣльное

27 мая 1907 г.

изданіе.

№ 21.

Подписная цѣна: безъ доставки на годъ 3 р. 50 к., на полгода 2 р., на три мѣсяца 1 р., на мѣсяць 40 к.

Съ доставкою и пересылкою на годъ 5 р., на полгода 3 р., на 3 мѣсяца 1 р. 50 к., на 1 мѣсяць 1 р.

Отдѣльные №№ по 10 коп. Продаются во всѣхъ кіоскахъ города Москвы.

Адресъ: Москва, Лиховъ пер. Епархіальный домъ, редакция «Моск. Церк. Вѣдомостей».

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки: за 1 разъ 30 к., за 2 раза 50 к., за 3 раза 70 коп., на годъ—по особому условію.

Редакция открыта отъ 10 до 2 ч. дня.

Отъ Совѣта Православнаго Миссіонерскаго Общества.

Въ четвергъ, 31 сего мая, имѣеть быть совершенно празднованіе тридцать седьмой годовщины Православнаго Миссіонерскаго Общества. Гг. члены и всѣ сочувствующіе успѣхамъ Православной миссіи приглашаются въ этотъ день къ литургіи и молебствію въ Князе-Владимірскую церковь Епархіальнаго Дома (Лиховъ пер., близъ Каретнаго ряда) и затѣмъ въ Общее Собраніе, имѣющее быть въ томъ же Домѣ, для выслушанія отчета за минувшій годъ, утвержденія смѣты расходовъ и избранія четырехъ уполномоченныхъ для повѣрки финансовой части отчета за 1906 годъ.

Начало литургіи въ 9 часовъ.

Отъ Комитета по устройству виѣбогослужебныхъ собесѣдованій съ народомъ въ Москвѣ и Московской епархіи.

Комитетъ покорнѣе проситъ о.о. наблюдателей за собесѣдованіями, а равно и священниковъ, ведущихъ собесѣдованія въ

своихъ церквахъ, присылать отчеты о собесѣдованіяхъ и собесѣдовательные журналы, для передачи секретарю Комитета, въ епархіальную бібліотеку (въ Епархіальномъ домѣ).

Отъ Совѣта Московскаго Филаретовскаго епархіальнаго женскаго училища.

Совѣтъ Филаретовскаго училища симъ объявляетъ, что недоимки за содержаніе и обученіе воспитанницъ въ Филаретовскомъ училищѣ должны быть непременно внесены къ 15 іюня сего года, предупреждая, что тѣ воспитанницы, за коихъ недоимки не будутъ уплачены, въ будущемъ учебномъ году въ общезитіе приняты быть не могутъ.

О.о. Настоятели церквей благоволятъ поставить о семъ въ извѣстность членовъ причта.

Страданія Христа и страданія Церкви.

Бесѣды во дни Страстной седмицы, произнесенныя Высокопреосвященнѣйшимъ Владиміромъ, Митрополитомъ Московскимъ и Коломенскимъ, въ церкви Московскаго Епархіальнаго Дома въ 1906 году.

Симонъ, ты сплш? Тако ли ти единого часа не могъ побѣтти со Мною? (Марк. 14, 37; Мате. 26, 40).

Настоящую недѣлю, называемую „Страстною седмицею“, Святая Церковь посвящаетъ воспоминаніямъ о страданіяхъ Христа. Девятнадцать вѣковъ уже прошло со времени Голговской драмы, но исторія страданій Господа всегда нова для сердца христіанина и всегда служить источникомъ духовнаго назиданія. Хорошо знаетъ это наша Церковь, а потому каждый годъ Великимъ постомъ представляетъ эту исторію предъ наши взоры. Такимъ образомъ страданія Христовы, такъ сказать, увѣковѣчены, и, пока существуетъ Церковь, никогда не придутъ въ забвеніе. Но они не могутъ быть забыты и въ другомъ отношеніи, и по другой причинѣ. Страданія Христа продолжаются въ страданіяхъ Церкви Христовой. Эта Церковь есть тѣло Христа, а потому ея страданія суть страданія и Христа. Широко поле этихъ страданій; оно простирается на весь земной міръ. Хотя дѣйствующія лица въ исторіи страданій Христа и страданій Церкви и различны, но самыя страданія остаются одни и тѣ же. При

страданіяхъ Христа мучителями были іудеи, книжники, первосвященники, Іуда, Пилать, Иродъ и воины римскіе; въ исторіи же страданій Церкви выступаютъ совсѣмъ другія лица. Мы не будемъ указывать на имена ихъ и вводить ихъ въ кругъ нашихъ размышленій, а бросимъ только общій взглядъ на ихъ дѣятельность, чтобы извлечь отсюда для себя урокъ и назиданіе. На нынѣшній разъ мы остановимся на спящихъ ученикахъ Іисуса.

І. Ночь. Въ безмолвной тишинѣ этой ночи Іисусъ съ Своими учениками идетъ изъ Іерусалима на гору Елеонскую. Съ этого священнаго мѣста пожелалъ Онъ начать Свои страданія. Оставивъ учениковъ у подножія этой горы, Онъ идетъ далѣе, въ глубь Геосиманскаго сада, чтобы помолиться. Бремя грѣховъ человѣческихъ, горечь наступающихъ страданій, неблагодарность іудейскаго народа ложится всею своею невыносимою тяжестью на Его душу. Какъ бы желая найти для Себя нѣкое подкрѣпленіе въ участіи учениковъ Своихъ, — Онъ возвращается къ нимъ, но находитъ ихъ спящими. Изъ словъ Его, такъ недавно еще сказанныхъ, они знали, что Сынъ Человѣческій преданъ будетъ первосвященникамъ и книжникамъ, что они осудятъ Его на смерть и предадутъ въ руки язычниковъ, что эти послѣдніе схватятъ Его, заключатъ въ оковы и, при насмѣшкахъ и поруганіи, распнутъ Его. Они знали, что въ эту именно ночь начнутся эти предсказанныя Имъ страданія, при чемъ одинъ изъ нихъ предастъ Его, а другой отречется отъ Него. Все это хорошо знали они, и, однако, когда наступилъ уже часъ этихъ страданій, когда погруженный въ смертельную тоску Онъ проситъ ихъ „остаться и побдѣть съ Нимъ“, они спятъ. Когда приблизился уже предатель, когда въ ночной темнотѣ засвѣтились уже факелы, и воины со спи-рою подошли, чтобы взять и связать Его, и тогда они продолжаютъ спать, такъ что Онъ Самъ долженъ былъ сказать имъ: „встаньте! приближается предатель“.

Само собою понятно, что Господь не могъ отнестись безразлично къ такому равнодушію учениковъ Своихъ. Нестерпимую болью отозвалось оно въ Его сердцѣ. Но любовь Его смягчила Его строгость и облекла это горькое чувство въ форму простаго упрека: „Симонъ, ты спишь?“

Итакъ вы не могли побдѣть со Мною и одного часа?“ Сколько горечи заключается въ этомъ вопросѣ! „Симонъ“, какъ-бы такъ говорить здѣсь Господь: „еще за нѣсколько часовъ сказалъ ты: Господи, если бы и умереть пришлось мнѣ съ Тобою, не оставлю Тебя.—И вотъ ты спишь! Вотъ уже предатель, вотъ и оковы, чтобы схватить и связать Меня, и въ такую-то минуту ты можешь спать?!“ Братіе! Мы могли бы впасть въ искушеніе, произнести слишкомъ суровый приговоръ на спящихъ учениковъ, если бы не помнили словъ Апостола Павла: „Въ томъ, въ чемъ осуждаешь ты своего брата, осуждаешь себя самого“. Эти спящіе ученики на Елеонской горѣ, они вѣдь — образъ многихъ и очень многихъ христіанъ и настоящаго времени. Тогда ученики спали при страданіяхъ Христа въ Его собственномъ лицѣ, а теперь многіе изъ христіанъ спятъ при страданіяхъ Его въ лицѣ Его Церкви.

Тѣлесный, натуральный сонъ есть потребность чело-вѣка и истинное благословеніе Божіе. Когда сердце чело-вѣка удручено бываетъ скорбію и печалью, Всеблагій Господь успокоиваетъ и врачуетъ его, посылая ему крѣпкій сонъ. Но совсѣмъ другое слѣдуетъ сказать о снѣ духовномъ, нравственномъ, — онъ есть великое несчастье. Подвергаясь этому сну, христіанинъ теряетъ всякое мужество и энергію и впадаетъ въ малодушіе, которое задерживаетъ въ немъ развитіе христіанскаго настроенія и христіанской жизни.

Ни для кого не тайна, что мы живемъ во время не одной только политической, но и религіозной борьбы. Невѣріе вооружается противъ Бога, противъ Христа и, прежде всего, противъ Церкви, которая защищаетъ вѣру въ Тріединаго Бога, въ воплотившагося Сына Божія, въ будущую загробную жизнь и твердо стоитъ на томъ, что эта вѣра есть законъ жизни и спасеніе для всѣхъ людей. Упоенные успѣхами этой борьбы своей противъ Церкви, они дерзаютъ даже похваляться, что конецъ Церкви близокъ, и недалеко то время, когда они не оставятъ въ ней и камня на камнѣ. Ни одинъ сынъ Церкви не долженъ оставаться безучастнымъ въ этой борьбѣ. Ни одинъ христіанинъ не долженъ уклоняться отъ нея и представлять ее однимъ только епископамъ и священникамъ,

подобно тому, какъ ни одинъ рядовой солдатъ не оставляетъ битву со врагами на обязанности однихъ только военачальниковъ и офицеровъ. Ни одинъ православный не имѣетъ права спать во время этой войны. Но печальная дѣйствительность показываетъ, что многіе спятъ, потому что забываютъ ту вѣру, въ которой родились и крестились, и перестаютъ въ ней упражняться.

Къ упражненіямъ вѣры относится прежде всего молитва. Каждый вѣрующій членъ Церкви долженъ молиться, и молиться не для себя только и наединѣ, но участвовать и въ семейной молитвѣ. Ежедневный хлѣбъ мы ѣдимъ обыкновенно вмѣстѣ съ семьею, за общимъ столомъ. Почему же не хотимъ мы употреблять и духовный хлѣбъ (совершать молитву) въ собраніи всѣхъ членовъ семейства? Домашняя молитва освящаетъ домъ и обитателей его. Она оживляетъ ихъ вѣру, укрѣпляетъ ихъ религіозныя убѣжденія и тѣснѣйшимъ образомъ соединяетъ ихъ съ Богомъ. *Идѣже бо еста два или тріе собрани во имя Моє, ту есмь и азъ посредь ихъ*, говоритъ Господь. Духъ вѣры и благочестія, воспитываемый молитвою въ семьѣ, переносится, естественно, и въ общество. Изъ семьи переходитъ въ общество и доброе, и злое. Что развивается въ семьѣ (страхъ Божій или невѣріе, благочестіе или нечестіе), то устанавливается и въ общественной жизни. Вотъ почему такъ важно и необходимо, чтобы въ семьѣ не засыпала религіозная жизнь, а поддерживалась и пробуждалась молитвенными упражненіями.

Не менѣе важно затѣмъ живое участіе въ общественныхъ богослуженіяхъ. Они суть по преимуществу исповѣданіе вѣры. Если кто идетъ въ синагогу, это значитъ— онъ іудей. Если кто идетъ въ мечеть, то это значитъ— онъ магометанинъ; если идетъ въ кирку, то, стало быть, онъ протестантъ. Точно также и православнаго узнають потому, что онъ ходитъ къ богослуженіямъ въ православный храмъ. А потому, если бы кто изъ непосѣщающихъ никогда общественныхъ богослуженій сказалъ намъ: „я православный“, то не въ правѣ ли мы отвѣтить ему: „не живой ты членъ Православной Церкви, ты спишь, какъ спали ученики Христовы при страданіяхъ своего Учителя“.

Къ упражненіямъ вѣры относится также исповѣдь и св. Причастіе. Не буду говорить уже о болѣе частомъ исполненіи этого христіанскаго долга. Какъ православный христіанинъ, я обязанъ, по крайней мѣрѣ, одинъ разъ въ годъ побывать у исповѣди и св. Причастія. Если же я и этого не дѣлаю, то я исключаю себя изъ живого общенія съ Церковію. Я погрузился въ глубокій сонъ предъ глазами Самого Господа, и Онъ въ правѣ сказать мнѣ: „Симонъ, ты спишь?“

Но борьба, которую невѣріе ведетъ сейчасъ противъ Церкви, требуетъ отъ насъ не одного только участія въ молитвѣ, богослуженіяхъ и таинствахъ: она требуетъ, чтобы мы стояли на стражѣ интересовъ вѣры тамъ, гдѣ угрожаетъ ей наибольшая опасность со стороны невѣрія. Здѣсь я укажу только на три области, въ которыхъ нужна особенная съ нашей стороны бдительность, а именно: на школу, на общественную жизнь и на печать.

а) Безконечно важна для Церкви область школы. Кому принадлежитъ школа, въ чьихъ рукахъ дѣтское сердце, тому принадлежитъ и будущее. Школа имѣетъ неизмѣримое вліяніе на развитіе религіозной жизни. Что посѣвается въ школѣ, то вырастаетъ и остается и въ жизни. Какое направленіе дается юной душѣ въ школѣ, такое остается и на всю послѣдующую жизнь. Великое, поэтому, счастье для дитяти, если оно имѣетъ такого родителя, учителя и воспитателя, который боится Бога, вѣруетъ и знаетъ, что онъ обязанъ отдать отчетъ Богу за каждую ввѣренную ему душу, который помнитъ слово Господне: *не браните дѣтей приходить ко Мнѣ, таковыихъ бо есть Царствіе Божіе*. Но глубоко несчастно то дитя, которое попадаетъ въ руки невѣрующихъ учителей, которые, потерявъ вѣру сами, расшатываютъ ее и въ сердцахъ ввѣренныхъ ихъ руководству дѣтей, которые устно или посредствомъ книгъ ниспровергаютъ ученіе, учрежденія и обряды Церкви, которые должны быть святы для каждаго православнаго дитяти. (А въ другихъ случаяхъ стараются такіе учителя доводить до сего юношество путемъ насмѣшекъ и чтенія противорелигіозныхъ книгъ). Если же возможны, если существуютъ такіе руководители (а они есть: иначе наши учебныя заведенія не наполнялись

бы такими юношами, которые осмѣливаются явно бунтовать противъ властей и общественнаго порядка), то не должны ли православные отцы стоять на стражѣ и охранять цѣлость религіозныхъ убѣжденій дѣтей своихъ? Могутъ ли они, а также и начальники и воспитатели юношества при такихъ условіяхъ предаваться усыпленію? Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ. Въ такомъ случаѣ ихъ священная обязанность—бодрствовать и всеми законными средствами—убѣжденіями, просьбами и жалобами, предъ кѣмъ слѣдуетъ заботиться и строго охранять права православія.

б) Вторая область, гдѣ нужна особенная осторожность съ нашей стороны, есть общественная жизнь. Она также имѣетъ неоспоримую важность для нашего религіознаго настроенія. Православный христіанинъ, какъ и каждый другой, имѣетъ нужду въ общеніи и знакомствѣ съ другими. Онъ такъ же, какъ и другіе, нуждается въ общественныхъ собраніяхъ, въ развлеченіяхъ. Здѣсь все зависитъ оттого, какой тамъ господствуетъ духъ и направленіе. Что говорятъ и дѣлаютъ въ этихъ собраніяхъ, то приражается, безъ сомнѣнія, и къ каждому изъ ихъ участниковъ. Что слышимъ мы въ этихъ компаніяхъ, то принимаемъ часто за общественное мнѣніе, коимъ дорожимъ мы. Если въ жизни общества господствуетъ духъ, противный вѣрѣ, то можно ли думать, что онъ останется безъ воздѣйствія на православнаго человѣка, возвращающагося въ этомъ обществѣ? Нѣтъ. И одна капля воды, если она постоянно падаетъ на одно и то же мѣсто, и та долбитъ твердый камень. Точно также и продолжительное обращеніе съ врагами вѣры въ общественной жизни не можетъ не ослаблять православно-религіознаго убѣжденія, какъ бы оно твердо ни было. Вотъ почему особенно важно, чтобы православные члены Церкви имѣли болѣе тѣсное общеніе между собою, и менѣе обращались въ кругу своихъ противниковъ.

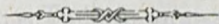
в) Третья область, въ которой мы должны тщательно охранять интересы вѣры и Церкви, есть печать. Кто не знаетъ, какое значеніе имѣетъ въ дѣлѣ умственнаго и нравственнаго нашего развитія чтеніе книгъ и какую растлѣвающую силу имѣютъ нѣкоторыя изъ нашихъ газетъ, журналовъ и другихъ періодическихъ изданій! Немного

можно найти домовъ, въ которыхъ не получались и не читались бы подобныя изданія. Не было бы особенной бѣды въ томъ, если бы эти изданія приносили однѣ только новости и забавные рассказы, но они содержатъ въ себѣ болѣе, чѣмъ однѣ невинныя новости. Многія изъ нихъ прямо ведутъ борьбу противъ вѣры и Церкви и становятся на сторону ея противниковъ, унижая и подвергая осмѣянію и издѣвательству все, что для насъ священо. Кто читаетъ такого рода изданія, тотъ неизбѣжно получаетъ вредъ для своей вѣры. Еще болѣе: онъ совершаетъ тяжкій грѣхъ противъ своей Церкви. Вѣдь это похоже на то, какъ, если бы какой-нибудь сынъ взялъ къ себѣ въ услуженіе такого человѣка, который поставилъ бы себѣ задачею смѣяться и издѣваться надъ его родителями. Не подвергли ли бы мы такого сына строгому осужденію, сказавъ, что онъ тяжело согрѣшаетъ противъ своихъ родителей? Что же дѣлаетъ православный христіанинъ, когда онъ покупаетъ и читаетъ книгу противонравственнаго и противорелигіознаго содержанія? Онъ платитъ деньги за то, что она подвергаетъ осмѣянію и порицанію его духовную мать — православную Церковь. А между тѣмъ посмотрите на нашихъ противниковъ. Найдете ли вы въ домахъ ихъ какую-нибудь духовную книгу, цевковную газету, духовный журналъ? Я увѣренъ, что никто изъ нихъ не взялъ бы въ руки такую книгу, если бы ему прислали ее даромъ. Но у насъ не такъ. Мы не только не чуждаемся враждебныхъ нашей вѣрѣ произведеній, но еще платимъ деньги нашему врагу за то, что онъ подноситъ намъ ядъ и отравляетъ нашу душу... Не грѣхъ ли это?

Въ настоящей, болѣе чѣмъ когда-либо ожесточенной борьбѣ невѣрія съ Церковію, когда требуется наибольшее бодрствованіе духа со стороны вѣрующихъ, многіе изъ нихъ погружены, къ сожалѣнію, въ какое-то равнодушіе и нравственную спячку. Я говорю не о томъ нравственномъ, грѣховномъ усыпленіи, которое грозитъ нравственною смертію (да сохранить насъ отъ этого Богъ!); я хочу сказать только, что многіе изъ насъ, обладая въ достаточной степени нравственною силою, не проявляютъ ея въ церковной жизни, въ защитѣ Церкви отъ нападокъ

враговъ. Въ нихъ недостаетъ для этого мужества, вѣры въ себя, надежды на успѣхъ. „Что можно сдѣлать, говорятъ они, мнѣ одному въ такое тяжелое время, какое переживаемъ мы?“ И оттого, что такъ думаютъ, они дѣйствительно ничего не дѣлаютъ и не могутъ сдѣлать. Это и есть тотъ нравственный сонъ, о которомъ я говорю. Но онъ не имѣетъ ни малѣйшаго оправданія. Наша надежда на благосостояніе и непоколебимость Церкви основывается не на человѣческихъ словахъ, а на неложныхъ словахъ Самого Сына Божія, Который сказалъ: *се азъ съ вами есмь во вся дни до скончанія вѣка*. Который обѣщаль Церкви, *что и врата адовы не одолѣютъ ея! Небо и земля прейдутъ, но не пройдетъ слово Божіе*. Зачѣмъ же унывать и опускать руки? Будемъ, братіе, помнить, что православные всего могутъ достигнуть, если будутъ единодушно и единомысленно, съ упованіемъ и мужествомъ стоять за свое дѣло, если каждый крѣпко будетъ держаться своей православной вѣры, оправдывать ее въ своей жизни и смѣло исповѣдывать ее предъ лицомъ всего міра.

Итакъ, чтобы не заслужить справедливаго упрека со стороны Спасителя: „*Симонъ, ты спитъ? Тако ли не могъ ты побдѣть со Мною и одного часа?*“—дадимъ, братіе мои, твердое обѣщаніе навсегда оставаться вѣрными своей Церкви, мужественно выступать на защиту ея интересовъ особенно въ настоящее трудное для нея время и не устами только, но и душою воспѣвать эту краткую, но прекрасную церковную пѣснь: *Утвержденіе на Тя надѣющихся, утверди, Господи, Церковь, юже стяжалъ еси честною Твоею кровію*. Аминь.

Соціализмъ, какъ нравственная и теоретическая задача *).

III.

Нравственная точка зрѣнія.

Долгъ, обязанность!.. О, какъ далеки эти слова отъ современнаго слуха!..

„Накорми, а потомъ и спрашивай добродѣтели“: такъ, по словамъ Великаго Инквизитора въ извѣстномъ романѣ Достоев-

*) Продолженіе, см. № 20.

скаго, напишутъ на своемъ знамени тѣ, которые возстанутъ противъ Хлѣба Небеснаго во имя хлѣба земнаго. „Накормите, а потомъ и спрашивайте добродѣтели“,—повсюду разносится и теперь. А если вы, не подумавъ о томъ и не указавъ, какъ накормить, станете—съ голодными—разсуждать о желательныхъ съ ихъ стороны добродѣтеляхъ, станете говорить имъ о долгахъ и обязанностяхъ, то вамъ сейчасъ же напомнятъ,—напримѣръ изъ *Рабочаго вопроса* Ланге,—анекдотъ о томъ лицемѣрномъ пасторѣ, который, чокаясь шампанскимъ съ богатымъ сосѣднимъ помѣщикомъ, утѣшалъ стоящаго въ сторонѣ голоднаго школьнаго учителя обѣщаніемъ внутренняго удовлетворенія и загробнаго вознагражденія за добросовѣстную педагогическую дѣятельность или—что-нибудь другое въ томъ же родѣ... Съ этими фактами моралисту волей-неволей приходится считаться. Тутъ вопросъ идетъ уже не о нравственной правдѣ, но прежде всего о социальнопедagogическомъ тактѣ.

У одного изъ нашихъ беллетристовъ есть прекрасный и поучительный, именно въ этомъ смыслѣ, рассказъ изъ сибирской жизни, въ которомъ, въ пѣломъ рядѣ фактовъ, онъ показываетъ, какъ, при низкихъ температурахъ, „замерзаетъ совѣсть“, переставая реагировать уже на самые возмутительные факты. То же дѣйствіе имѣютъ, безъ сомнѣнія, и другія чрезмѣрныя физическія депрессіи, а между ними и голодь. Вотъ гдѣ правда и оправданіе невольнаго крика голодныхъ: „накорми, а потомъ и спрашивай!“... И какъ въ самомъ дѣлѣ, безъ этого, безъ заботы о накормленіи, подобрать соотвѣтствующій тонъ? Какъ заставить себя слушать? Какъ найти доступъ къ душѣ? Представьте себѣ, что человѣкъ, сидящій у большого зеркальнаго окна за столомъ, уставленнымъ изысканными винами и явствами, увидавъ чрезъ окно толпу голодныхъ бѣдняковъ сталъ бы ей проповѣдывать о терпѣніи и проч.,—гдѣ онъ нашелъ бы слова, которыя не отлетали бы снова къ нему, но уже насыщенные недовѣріемъ, ненавистью и завистью? Или если бы, положимъ, человѣкъ, несущійся на бѣшеныхъ коняхъ въ загородный ресторанъ, остановилъ бы вдругъ лошадей и сталъ призывать къ терпѣнію изнемогающаго подъ тяжестью непосильной ноши пѣшехода, указаніемъ на то, что „такова его доля.“ развѣ не было бы это жесточайшею обидою и издѣвательствомъ?.. Бываютъ вообще положенія, когда языкъ буквально прилипаетъ къ гортани и когда, какъ свистъ бича или

ударъ молота, раздается въ ухахъ укоризненный голосъ: „на-
корми, а потомъ и спрашивай“...

Бываютъ положенія, когда не только бесполезно, но прямо жестоко было бы взывать къ нравственному сознанию другого, не заглянувъ, прежде всего, въ свое собственное. И вотъ что именно сообщаетъ такую удивительную, воистину огненную и прожигающую, силу гуманистамъ-проповѣдникамъ всѣхъ временъ отъ св. Златоуста до Рескина и Карлэйля и имъ подобныхъ, когда они встаютъ противъ людей, праздно-роскошествующихъ и дѣлающихъ изъ жизни сплошной праздникъ.

Нужно, въ самомъ дѣлѣ, имѣть совершенно отяжелѣвшій слухъ, чтобы оставаться глухимъ, къ такимъ, на примѣръ, словамъ Рескина:

„Всѣ вы, кушающіе роскошные обѣды, призовите съ большой дороги бродягу и раздѣлите съ нимъ вашу трапезу, и тогда вы понемногу начнете понимать, какимъ образомъ вашъ братъ сдѣлался бродягой и тогда вы сдѣлаете вашу трапезу простой до тѣхъ поръ, пока трапеза бѣдняка не будетъ изобильной—или вы не христіане! Вы, одѣвающиеся въ изящныя одежды, надѣньте блузы и передники до тѣхъ поръ, пока бѣдные не будутъ одѣты красиво и прилично—или вы не христіане! Вы, поющіе и играющіе на инструментахъ, повѣсьте ваши арфы при рѣчкахъ, которыя вы осквернили или идите къ безумнымъ, гнуснымъ и глухимъ, которыхъ вы сдѣлали такими, и влейте въ ихъ души ваши мелодіи—или вы не христіане!“ *).

Или, какъ можно закрыть свой слухъ предъ этимъ напри-
мѣръ, призывомъ другого моралиста:

„Вотъ человѣкъ, который имѣетъ претензію жить въ роскошномъ помѣщеніи, защищенный отъ всякаго труда, отъ нужды, опасностей, безпокойствъ... Таковъ, думаетъ онъ, законъ вселенной, что на него одного изъ всѣхъ рѣшительно людей не возложено никакой задачи, кромѣ задачи съѣдать приготовленную для него пищу и не выбрасываться изъ окопка... Никогда не было видано болѣе страннаго зрѣлища подъ луной. А между тѣмъ это—дѣйствительный фактъ!.. О, больной братъ мой, ты, какъ это часто бываетъ въ больницахъ, гредишь о раѣ и Эльдорадо, которые далеки отъ тебя. Ты говоришь: развѣ я не могу дѣлать съ

*) Fors, письмо LXXXII, цит. у Гобсона, въ его книгѣ: *Джонъ Рескинъ, какъ социальный реформаторъ* (М. 1899, перев. Николаева), стр. 199.

моей собственностью, что мнѣ угодно?..—Милосердныя Небеса,—братъ мой! То, что ты видишь твоими больными глазами, есть не твердое Эльдорадо и не Рай ничего-недѣланія, а лихорадочныя грезы твоего мозга... Нѣтъ—благородство не въ этомъ. Благородство искони заключалось въ мужественномъ страданіи за другихъ, а не въ лѣнивомъ принужденіи другихъ страдать за насъ. Всякій благородный вѣнецъ былъ и всегда будетъ вѣнцомъ терновымъ. Зачѣмъ была бы дана намъ наша жизнь, если не затѣмъ, чтобы мы могли мужественно отдать ее? Спустись, о ничего-недѣлающая пышность, — покинь твои пуховыя подушки; допусти себя понять, что чувствуютъ несчастные и какъ этому помочь. Русскій Царь сдѣлался запыленнымъ корабельнымъ мастеромъ, самъ работалъ топоромъ на Саардамскихъ верфяхъ; а его задача была мала въ сравненіи съ твоей. Спустись: возмись за этотъ ужасный живой хаосъ невѣжества и голода, валяющихся у твоихъ ногъ; скажи: „я хочу исцѣлить его, или—смотрите—я первый умру за него“. Таковъ, поистинѣ, законъ. Всегда и вездѣ человѣкъ долженъ *платить* своею жизнью,—исполнять свой трудъ, какъ то дѣлаетъ солдатъ, за счетъ своей жизни“ *).

Вотъ краснорѣчивое и вмѣстѣ глубоко смущающее слово!

И если бы эти и подобные предостерегающіе голоса возможно глубже проникали въ сознаніе имущихъ классовъ, то это не только содѣйствовало бы, какъ, быть можетъ, никакая другая мѣра, соціальному умиротворенію обществъ, но и самихъ ихъ предохраняло бы отъ духовнаго, и даже физическаго, измельчанія. Ибо ничто, какъ извѣстно, такъ не разжигаетъ классовую борьбу, какъ чувство зависти къ подчеркнутой роскоши, сознающей свои мнимо-безусловныя права, и ничто, съ другой стороны, такъ не извѣживаетъ и не расслабляетъ, физически и духовно, какъ обращеніе жизни въ вѣчный праздникъ, со всеми излишествами...

Въ наученіе же тѣмъ, чей слухъ остался бы закрытымъ для подобныхъ требованій элементарной морали, тотъ же моралистъ, слова котораго я только что привелъ, рассказываетъ одну, въ высокой степени поучительную, мусульманскую басню.

„На берегахъ Мертваго моря (Асфальтоваго озера)“,—таковъ этотъ рассказъ,—„жило нѣкогда одно племя людей. Забывъ, какъ и мы все слишкомъ къ тому склонны, внутренніе факты (законы

*) Карлэйль (*Теперь и прежде*).

и факторы) природы и поддавшись ей поддѣлкамъ и внѣшнимъ подражаніямъ, они попали въ печальныя обстоятельства, поистинѣ направившись къ нѣкоторому, гораздо болѣе глубокому озеру. Вслѣдствіе этого, благому Небу угодно было послать имъ Пророка Моисея съ назидательнымъ словомъ предостереженія, изъ котораго могло проистечь немало лѣчебныхъ мѣръ. Но люди Мертваго моря не нашли въ Моисеѣ никакой пріятности, какъ это всегда дѣлаетъ холопскій родъ съ героями и пророками. Они слушали Моисея съ видимымъ отвращеніемъ, съ легкими гримасами, скучающимъ софніемъ и фырканиемъ, ясно показывая, что находятъ его обманщикомъ и надоедливымъ...

„Моисей удалился. Но природа и ея строгая правдивость не удалились. Люди Мертваго моря, въ слѣдующій разъ, какъ мы пріѣхали навѣстить ихъ“,—продолжаетъ легенда-сказка,—„были всѣ... превращены въ обезьянъ... Теперь они сидѣли на деревьяхъ, гримасничали самымъ ненапускнымъ образомъ, лопотали и стрекотали самую настоящую безмыслицу и находили, что весь міръ—безспорный обманъ. Для этихъ обезьянъ, которыя считали міръ обманомъ, онъ таковымъ и сдѣлался. И вотъ онѣ сидятъ и лопочутъ до настоящаго часа, и только, кажется, по субботамъ къ нимъ возвращается удивленное полусознаніе, полувоспоминаніе, и онѣ сидятъ съ высохшими, закоптѣлыми лицами и съ такимъ видомъ высочайшаго трагизма, на какой только способны обезьяны. Онѣ смотрятъ своими моргающими, мутными отъ дыма, глазами въ самыя удивительныя всеобщія дымныя сумерки и неразбираемый беспорядочный сумракъ вещей. И онѣ для нихъ—полная неопредѣленность и непонятность. А какъ комментарій ко всему этому, время отъ времени слышатся ихъ немзыкальное стрекотаніе и мяуканье... Эти люди, превращенные въ обезьянъ, не сдѣлали никакого употребленія изъ своихъ душъ и поэтому потеряли ихъ. Ихъ богослуженіе состоитъ теперь по субботамъ въ томъ, чтобы сидѣть на вѣтвяхъ съ немзыкальными криками и наполовину припоминать, что у нихъ были души... Не встрѣчался ли“,—спрашиваетъ нашъ моралистъ въ заключеніе своей поучительной сказки,—„не встрѣчался ли ты когда-нибудь, о путешественникъ, съ образчиками этого племени?.. Мнѣ кажется, они стали довольно многочисленны въ наши дни“.

О, да,—„они стали довольно многочисленны въ наши дни“, потому что забвеніе законовъ настоящей, истинно-человѣческой, жизни стало обычнымъ явленіемъ не только среди представите-

лей того племени, о которомъ, очевидно, говоритъ эта мусульманская сказка, но и среди всѣхъ тѣхъ, кто проникнуть тѣмъ же духомъ, что и они, духомъ своекорыстія, меркантилизма и мамоны. А такихъ,—увы!—легіоны.

И вотъ гдѣ одно изъ главнѣйшихъ препятствій социальнаго умиротворенія!

Къ счастью для человѣчества, несмотря на моральную косность физическихъ и духовныхъ потомковъ древнихъ обитателей окрестностей Мертваго моря, прогрессирующихъ развѣ лишь въ служеніи мамонѣ, нравственные начала жизни,—отчасти и подѣ влияніемъ социальнаго движенія, не будемъ отрицать этого!—особенно за послѣднее время, не только начинаютъ проникать въ общественное сознаніе, но проявляться и на практикѣ. Чисто экономическая теорія „гармоніи интересовъ“, — гармоніи, какъ я сказалъ выше, весьма сомнительной и во всякомъ случаѣ неустойчивой, — все болѣе и болѣе уступаетъ теперь мѣсто или, точнѣе, все болѣе и болѣе дополняется теперь другою теоріею, теоріею такъ называемою „карикативною“ (о ней говорилъ здѣсь одинъ изъ предшествующихъ лекторовъ), которая полагаетъ въ основу рѣшенія социальной проблемы не только начала экономическія, но и нравственные, начала христіанской любви и сострадательности къ трудящимся, требуя отъ общества и государства заботы о немощныхъ и старыхъ, о всѣхъ лишенныхъ способности трудиться и, особенно, о всѣхъ, уже достаточно въ своей жизни потрудившихся. Фабианцы и гуманисты всякихъ оттѣнковъ много уже сдѣлали и — можно надѣяться—сдѣлаютъ еще больше въ этомъ направленіи. Подѣ влияніемъ этой новой организаціонной идеи, „рабочая аристократія“, можно надѣяться, сдѣлается дѣйствительной гарантіей социальнаго мира — не потому только, что она будетъ *заинтересована* въ его сохраненіи (это, какъ мы видѣли, гарантія чрезвычайно условная!), но и потому, что будетъ связана съ другими классами общностью моральныхъ идеаловъ и стремленій, то-есть связью болѣе прочною, чѣмъ хрупкія и постоянно порывающіяся нити матеріальнаго интереса, то-есть въ сущности эгоизма. Пусть экономика, гармонія интересовъ останется и будетъ культивируема, какъ необходимое условіе умиротворенія, но—не какъ верховная цѣль, каковою можетъ быть только духовная культура единицъ, составляющихъ общество, будетъ ли то рабочий или предприниматель. Только яснымъ разграниченіемъ этихъ двухъ моментовъ: разумной экономики, какъ *матеріальной основы*

общественной жизни и ея необходимаго условія, и нравственной организаціи общества, *какъ црли*, — только этимъ принципиальнымъ разграниченіемъ рѣшеніе трудной соціальной задачи можетъ быть предохранено отъ односторонности...

Итакъ, *для соціальнаго умиротворенія необходимо, чтобы чловѣчество, и прежде всего въ лицѣ имущихъ и лучше поставленныхъ матеріально классовъ, ясно сознало свою нравственную обязанность относительно трудящихся и обездоленныхъ*. И, повидимому, — повторяю, — оно уже сознало ее, наконецъ, и день ото дня сознаетъ все яснѣе и яснѣе. Остается лишь желать, чтобы оно не оставалось при однихъ добрыхъ желаніяхъ, но дѣятельно стремилось бы къ проведенію ихъ въ жизнь, чтобы оно все рѣшительнѣе и прямѣе шло туда, куда зовутъ его нищета, нужда и горе...

Но, съ другой стороны, совершенно очевидно, что и трудящіяся массы, въ интересахъ того же соціальнаго умиротворенія, т.-е. прежде всего въ своихъ собственныхъ интересахъ, должны итти навстрѣчу этому движенію и не создавать ему, по крайней мѣрѣ, искусственныхъ преградъ.

Мы слышали и непрестанно слышимъ, — изъ устъ Рескина, Карлейля, Фабіанцевъ, представителей „кариативной системы“ и многаго множества другихъ гуманистовъ, — призывы общества къ дѣятельности на пользу трудящихся и обездоленныхъ, во имя высокихъ началъ общечеловѣческой нравственности. Но—*audiatur et altera pars!*.. Пусть и трудящимся массамъ столь же ясно и опредѣленно скажутъ, пусть и онѣ сами сознаютъ, что и у нихъ также есть свои нравственныя обязанности и обязательства, при нарушеніи которыхъ, — особенно систематическомъ и убѣжденномъ, возведенномъ въ теорію и принципъ, — никакое „соціальное умиротвореніе“ невозможно и даже отвлеченно невысмыслимо.

Вотъ что намъ нужно теперь внимательно разсмотрѣть и обсудить.

Точкой отправленія, въ изслѣдованіи этой стороны вопроса, можетъ послужить для насъ положеніе, которое, надѣюсь, будетъ принято безъ всякихъ ограниченій и всеми, безъ различія убѣжденій: не должно быть двухъ этикъ, т.-е. двухъ масштабовъ и оцѣнокъ поведенія, такъ какъ обязательное для однихъ людей и общественныхъ классовъ, очевидно, должно быть обязательнымъ и для другихъ, ибо мораль лишь до той поры сохраняетъ свою непрефераемую власть надъ сознаніемъ, доколь ей усвоится характеръ всеобщности и безусловности.

Но что мы видимъ въ социалистической этикѣ въ дѣйствительности?

Видимъ нѣчто, прямо противоположное.

Къ сожалѣнію, въ социалистической этикѣ разбираться очень трудно, потому-что она находится въ крайне хаотическомъ состояніи и насквозь эклектична. Только этическія системы крайнихъ социалистическихъ фракцій,—очень несложныя, впрочемъ,—могутъ быть признаны достаточно опредѣленными, такъ какъ онѣ, какъ уже замѣчено выше, отъ временъ Фурье и Сень-Симона остаются въ неизмѣнно-стереотипномъ видѣ. Но этическія размышленія и регламентаціи промежуточныхъ фракцій, по направленію снизу вверхъ, отъ сен-симонизма и фурьеризма къ такъ называемому „духу социализма“, состояются изъ самыхъ разнородныхъ и разноцвѣтныхъ лоскутовъ: тутъ и „независимая“ мораль, и этика сверхчеловѣка, и боевые лозунги, и даже,—какъ это ни странно,—нѣкоторая доза эстетики, во всякомъ случаѣ нѣкоторые эстетическіе налеты.

Вотъ для примѣра образчикъ этическихъ писаній социалистовъ—изъ новѣйшей книги Койгена, озаглавленной „Міровозрѣніе Соціализма“:

„Мораль социализма“,—читаемъ мы здѣсь,—„должна стремиться къ установленію такихъ заповѣдей, исполненіе которыхъ наиболѣе воплотило бы въ жизнь принципъ *соціалистическаго культуропорядка* (?). Ясно, что высшая добродѣтель социализма есть согласованіе всей нравственной дѣятельности съ тѣми основами культуры, безъ которыхъ существованіе и развитіе социалистической жизни было бы дѣломъ невозможнымъ. „Живи согласно прогрессу культуры“—высшій императивъ; „буди въ себѣ всеобъемлющаго, непрерывнаго и свободнаго творца“—истинная программа индивидуальной морали. *Долгъ труда*, неприкосновенность его и право на него суть важные моральные выводы изъ высшей добродѣтели социалистической культуры. Всѣ добродѣтели греческаго міра, какъ храбрость или личный героизмъ, чувство мѣры и чистоты и т. д. заключены въ ней, но она больше ихъ, ибо жизнь въ согласіи съ нею поднимаетъ всѣ формы активности челоуѣка на новую высоту и создаетъ новый духовный укладъ. Какъ формы индивидуальной активности, такъ и социальна-государственныя проявленія ея должны стремиться къ *имманентной идее культурной дѣятельности* (!!). Идеализмъ дѣйствительности есть настоящее выраженіе осуществленной со-

ціалістической морали. Соціалізму остается только сказать чело-
вѣку: „стремись къ установленію и сохраненію такого порядка
вещей, гдѣ бы жизнь челоуѣка превратилась въ сплошной *твор-
ческой актъ* (!) въ воспроизведеніе и защиту его, гдѣ бы чело-
вѣкъ и челоуѣческій трудъ не могли бы быть мишенью въ ру-
кахъ какихъ бы то ни было сепаратистскихъ интересовъ, однимъ
словомъ, гдѣ бы челоуѣкъ могъ стать истиннымъ законодателемъ
своей, а слѣдовательно и соціальной жизни... Не убивай въ себѣ
желанія быть героемъ (!), какъ въ личной, такъ и въ обществен-
ной жизни; пусть бьется всегда въ груди твоей *пульсъ культурно-
мірового цѣлаго и прогрессивной задачи* (!) исторической эры, въ
которой ты живешь“... Вотъ, — заключаетъ Койгенъ, — высшее,
что мы можемъ сказать современному челоуѣку“ *).

Такъ пишетъ авторъ книжки, видимо рассчитанной на ши-
рокій кругъ читателей. Однако, если это, дѣйствительно, есть
высшее изъ всего того, что соціализмъ можетъ сказать, то этого,
очевидно, очень немного... Тутъ, правда, достаточно хорошихъ
отдѣльныхъ словъ, но мало мыслей и вообще мало ясности. „Про-
грессъ“, „культура“, „трудъ“, „творчество“, „героизмъ“: кто изъ
моралистовъ не говорилъ и не говоритъ обо всемъ этомъ?.. Но,
что же тутъ специфически-соціалистическаго?.. Да и вообще, —
что тутъ собственно?.. Какой принципъ?.. Тутъ есть все и вмѣстѣ
нѣтъ ничего. „Слова, слова и слова“, какъ говорилъ Гамлетъ,—
притомъ слова, которыя, какъ увидимъ дальше, требуютъ въ
устахъ соціалистовъ очень и очень большихъ ограниченій (наприм.,
относительно культуры, героизма и т. д.).

И, однако, такъ именно въ большинствѣ случаевъ пишутъ
соціалисты, когда дѣлаютъ экскурсіи въ область этики, въ кото-
рой, очевидно, чувствуютъ себя какъ бы не у себя дома...

Да это и понятно. Вѣдь, въ сущности, объ этикѣ соціализма
можно говорить развѣ лишь *cum grano salis*, въ смыслѣ несобствен-
номъ, по перенесенію или по традиціи: у соціалистовъ есть хо-
рошо выработанная *партийная тактика*, но, строго говоря, нѣтъ
этики,—въ собственномъ смыслѣ этого слова.

Однако, хотя объ этикѣ соціализма мы можемъ говорить не
въ смыслѣ опредѣленной доктрины, теоріи, а тѣмъ болѣе, ко-
нечно, системы, но лишь въ смыслѣ девизовъ и лозунговъ, опредѣ-
ляющихъ настроеніе и практическую дѣятельность, тѣмъ не ме-

*) Стр. 103—109.

нѣе и по нимъ мы можемъ различить какъ бы *три слоя социальнo-этичeскихъ идей.*

Прежде всего, у социалистовъ, и въ теоріи и на практикѣ, мы находимъ обрывки традиціонной, общечеловѣческой и даже иногда прямо христіанской морали. Однако, остріе этой морали, то-есть требованіе любви къ ближнимъ, особенно трудящимся и обездоленнымъ, обличеніе эгоизма и корысти, роскоши и духа эксплуатаціи и т. д. они обращаютъ не къ себѣ, но прежде всего именно къ имущимъ классамъ, какъ явно де уклонившимся и уклоняющимся отъ высокихъ христіанскихъ идеаловъ. И вотъ первая, съ ихъ стороны, неправда: они забываютъ, что нужно мѣрять и для себя тою же мѣрою, какою они мѣряютъ для другихъ... Когда Рэскинъ или Карлейль обличаютъ богатыхъ, они знаютъ, что дѣлаютъ, и имѣютъ на это право, потому что, удерживаясь существенно на обще-христіанской почвѣ и отдавъ свои силы служенію бѣдныхъ и обездоленныхъ, они говорятъ, не рискуя услышать: „врачу, исцѣлился самъ“. Но когда имъ вторятъ доктринеры социализма, покинувшіе почву христіанской, да и вообще, какъ увидимъ, общеобязательной этики, тогда очень трудно удержаться отъ того, чтобы не сказать вмѣстѣ съ покойнымъ Вл. С. Соловьевымъ: „социалистическія декламаціи противъ богатыхъ, внушаемая низменною завистію, противны до тошноты, а требованія уравнианія имуществъ—при этомъ условіи—неосновательны до нелѣпости“ *)... Вообще, въ отношеніи къ вопросу о богатствѣ и богатыхъ, между социализмомъ и представителями общечеловѣческой, а тѣмъ болѣе христіанской этики, въ родѣ Рэскина или Карлейля, существуетъ діаметральная противоположность: социализмъ просто *завидуетъ* богатымъ, а христіанство *жалуетъ* ихъ, потому что имъ „трудно войти въ царствіе небесное“. Вотъ почему у социалистическихъ и христіанскихъ обличителей роскоши, какъ говорятъ, „то же да не то же“: тѣ же слова, но со всѣмъ иной смыслъ.

Второй идейный слой въ этикѣ социализма, этика, главнымъ образомъ, его вождей, есть не что иное, какъ одна изъ варіацій нищенской сверхчеловѣческой морали, съ сильнымъ налетомъ эпикуреизма.

Въ этомъ моментѣ социалистическая этика „звучитъ гордо“ и не прочь даже внести поправку въ нравственное ученіе хри-

*) *Оправданіе Добра*, по первому изд., стр. 459.

стіанства. „Вы слышали, что сказано: возлюби ближняго твоего... А мы говоримъ вамъ: возлюбите и дальняго“... Это написалъ, въ качествѣ социалистическаго моралиста, не кто иной, какъ уже извѣстный намъ Людвигъ Штейнъ, въ своей послѣдней книгѣ *). И это, въ самомъ дѣлѣ, есть лишь дальнѣйшее развитіе того, что имъ было выставлено въ его *Соціальному вопросу*, въ качествѣ верховнаго принципа „правоваго“ социализма. Вотъ что онъ тамъ, между прочимъ, пишетъ: „Высшій императивъ нашей соціальной этики гласитъ: „поступай такъ, чтобы каждымъ изъ твоихъ дѣйствій ты утверждалъ не только свою собственную жизнь, но и жизнь другихъ людей и чтобы, въ особенности, ты обезпечивалъ и повышалъ жизнь будущихъ поколѣній“ (стр. 639)... Таково, можно сказать, основное эгическое основоположеніе умереннаго социализма. Формула, какъ видимъ, звучитъ не только „гордо“, но, повидимому, возвышенно и даже примирительно: „не только, но и...“ Однако, кто же не подпишется подъ этуо растяжимую формулою?.. „Утверждай свою собственную жизнь“: это не „очень сурово“ и ригористично! Ну, конечно, и „дальняго“ люби. Что же касается ближнихъ, то,—подразумѣвается,— можешь этимъ и не очень смущаться и, когда нужно, жертвуй ими ради „дальняго“. А чтобы это „этическое“ требованіе было удобнѣе исполнить, отодвинь отъ себя ближняго возможно дальше, проникнувшись „паѳосомъ дистанціи“... И мы знаемъ изъ исторіи социализма, что вожди его очень вѣрны этому „основоположенію“. Бебель, наприм., котораго недавно Бюловъ столь остроумно называлъ „самодержавнымъ главою демократической партіи“, весьма помнятъ объ этомъ паѳосѣ дистанціи: большую часть года онъ живетъ, какъ извѣстно, на островѣ Капри, а, когда бываетъ въ Берлинѣ, то принимаетъ членовъ своей партіи не въ своемъ палаццо, а—лишь въ ихъ „штаммъ-локалѣ“, то-есть просто въ „биргалкѣ“, ресторанѣ, гдѣ они завсегдатаи... И Бебель, конечно, не исключеніе... Вотъ къ чему сводится, особенно, у вождей социализма, ихъ пресловутая „любовь къ дальнему!“...

Но высшей степени нелѣпости и вмѣстѣ какой-то чудовищной жестокости эта „любовь къ дальнему“ достигаетъ тогда, когда, во имя ея, т.-е. во имя счастья *отдаленныхъ* поколѣній, приносятся въ жертву близкіе... Эти „дальніе“, эти „грядущіе“, будущіе граждане вселенной суть, воистину, Молохъ, которому уже принесены и еще

*) Ludwig Stein, Der Sinn des Daseins, s. 372.

будутъ принесены безчисленныя гекатомбы человѣческихъ жертвъ... „Будущія поколѣнія“, поколѣнія людей, долженствующихъ нѣкогда блаженствовать среди „довольства всеобщей сытости“: вотъ *новое божество* социализма, божество-идолъ, кровожадный и ненасытный, который, однако же, возводится теоретиками социализма въ непререкаемаго нравственнаго законодателя!.. Эта точка зрѣнія не только глубоко-безнравственна, но и варварски-жестока—до безчеловѣчности. Въ самомъ дѣлѣ, потоки слезъ, крови безчисленныхъ жертвъ этого новаго Молоха,—не говоря уже о трудовомъ потѣ цѣлаго ряда поколѣній, — считаются „нравственно-обязательными“ для водворенія на землѣ царства равнаго и — добавлю—изумительно-низменнаго довольства: что можно придумать чудовищнѣ этой, глубоко и насквозь антиторальной, „любви къ дальнему“?..

Наконецъ, третій слой социалистическо-этическихъ идей или третій моральный кодексъ социализма, существующій специально для пролетарской массы, уже откровенно проникнуть началами ненависти и вражды. Пролетариату прямо рекомендуется быть въ „боевомъ состояннн“, искусственно подогрѣвая въ себѣ, по рецептамъ Маркса, Каутскаго и Менгера, „нравственное возмущеніе“, безъ котораго де невозможенъ подъемъ рабочаго класса на высшія ступени матеріальнаго благополучія. Отсюда постоянная забота социалистовъ о томъ, чтобы воспитывать въ массахъ, прежде всего, зависть и ненависть къ имущимъ. И это, конечно, съ ихъ точки зрѣнія, опять-таки, совершенно послѣдовательно. Въ самомъ дѣлѣ, разъ злоба признается главнымъ факторомъ въ борьбѣ обездоленныхъ классовъ „за существованіе“, а затѣмъ и за свои экономическія и политическія права, то остается лишь, какъ можно болѣе разжигать въ массахъ это чувство, то есть вообще культивировать этическое зло,—зависть, ненависть и вражду,—чтобы изъ зла выросло „соціальное“ добро: „чѣмъ хуже, тѣмъ лучше“.

И вожди социализма удивительно вѣрны себѣ,—даже наиболѣе умѣренные изъ нихъ. Такъ, наприм., знаменитый Зомбартъ, извѣстная книга котораго о социализмѣ, съ каждымъ новымъ изданіемъ, становится, повидимому, все болѣе и болѣе примирительною, — даже и онъ нашель возможнымъ написать вотъ эти, въ высокой степени характерныя для социалиста, строки: „Быть можетъ, новая нагорная проповѣдь будетъ гласить: блаженны тѣ, которые еще могутъ бороться!“ *).

*) Стр. 273, М. 1906 г.

Съ этой точки зрѣнія, какъ показатель настроенія, въ какомъ воспитываются социалистическія массы, чрезвычайно интересенъ текстъ социалистическихъ пѣсень. Всѣ онѣ насыщены именно призывомъ къ „боевой готовности“, аппелируютъ къ „полнотѣ страсти“, хотять пробудить и воспитать, путемъ желѣзной партійной дисциплины, „волю къ дѣйствию“... И эта готовность, страсть, воля къ дѣйствию проникнуты однимъ и тѣмъ же „паэосомъ“, то-есть все тѣмъ же чувствомъ ненависти къ имущимъ, жаждою „эмансипаціи“ отъ капиталистовъ и капитала, „фанатическою вѣрою въ грядущее торжество социализма“...

Въ этомъ смыслѣ для массы составляются и этическіе кодексы. Обычное выраженіе принципа этихъ социалистическихъ кодексовъ: „твое — мое“... не далеко отъ истины. Социалисты, всѣхъ фракцій и отгѣнковъ, какъ я уже говорилъ, охотно присоединяются своимъ сочувствіемъ къ моралистамъ-обличителямъ, въ духѣ Рэскина или Карлейля, когда эти послѣдніе напоминаютъ *имуцимъ* классамъ о забытомъ ими Моисеевомъ десятословіи и особенно о Евангельской заповѣди любви къ ближнему. Но сами для себя имѣютъ кодексъ совершенно иной, усиленно стремясь при этомъ провести его и въ жизнь, сообщить ему практическую силу. И не только иной, но—и прямо противоположный.

Въ самомъ дѣлѣ, вожди социалистовъ говорятъ какъ бы такъ: „Вы слышали, что было сказано древнимъ: Азъ есмь Господь Богъ твой, да не будутъ тебѣ иніи бози (а потому)... не убивай, не прелюбодѣйствуй, не крадь, не желай дома ближняго твоего, ни села его... Мы же говоримъ вамъ, новой расѣ: желай дома ближняго твоего и села его (это твое право!), экспроприруй, то-есть по просту кради, потому-что, если собственность есть кража, то кража кражи есть хорошее дѣло, какъ уничтоженіе зла... При случаѣ не смущайся и устранять съ дороги, то-есть просто убивать, если это понадобится“... И такъ далѣе. Все десятословіе перелagается, такимъ образомъ, съ социалистической точки зрѣнія, какъ бы въ иной тонъ: отрицательныя заповѣди въ социалистическомъ кодексѣ превращаются въ положительныя и потому—по естественной связи—первая заповѣдь также въ отрицательную: желай, потому-что положеніе: „Азъ есмь“... есть лишь печальный предрассудокъ... Это не преувѣличеніе: можно было бы каждую строчку этой антигезы процитировать, если бы ее и безъ того не подтверждала достаточно краснорѣчиво окружающая насъ, слишкомъ печальная, дѣйствительность.

Итакъ, въ социалистической этикѣ ведется, такъ сказать, *тройная бухгалтерія*: въ ней, какъ бы три различныя этики,—сообразно желанію и потребностямъ каждаго.

О, я знаю, что социалисты, по крайней мѣрѣ, наиболѣе умѣренные и примирительно настроенные изъ нихъ, надъ этими, разъединяющими и атомизирующими, мотивами вражды и ненависти ставятъ положительный идеалъ,—именно традиціонный идеалъ „братства, равенства и свободы“. И говорятъ они объ этомъ положительномъ идеалѣ съ большимъ одушевленіемъ. Такъ, наприм., тотъ же Зомбартъ пишетъ:

„Великіе общечеловѣческіе идеалы, возникшіе въ Индіи, переданные затѣмъ христіанству и нашедшіе свое послѣднее выраженіе въ мыслителяхъ французской революціи и эпохѣ нѣмецкаго просвѣщенія, воодушевляють также и лучшихъ людей, указывающихъ социалистическому движенію его цѣли. Идеалы эти: свобода, равенство, братство; то-есть возможность свободнаго развитія для всякаго, уваженіе къ личности, дѣятельная любовь къ человѣчеству. Это—старые идеалы гуманизма. Это руководящій принципъ Кантовской этики: ни одинъ человѣкъ не долженъ быть средствомъ, а каждый долженъ быть цѣлью, цѣнной самой по себѣ. *Все это, пожалуй, окрашено сильнымъ сенсуализмомъ, котораго не было у прежнихъ идеалистовъ (!)*. Но, въ концѣ концовъ, социалистическіе идеалы все-таки только продолжаютъ прясъ дальше нити, начатыя великими людьми прошлыхъ вѣковъ“ (стр. 261).

Характерная страница!

Тутъ со всею очевидностію сказался радикальный эклектизмъ социалистическаго мышленія, насквозь проникнутаго стремленіемъ къ *ложному единству*, старающагося все затушевать подъ одинъ цвѣтъ—до неразличимости. Тутъ, въ самомъ дѣлѣ, и Индія, и христіанство, и французская революція, и Кантъ... Все, что угодно! И тѣмъ не менѣе, даже и такой терпимый мыслитель-электикъ нашель необходимымъ добавить и подчеркнуть, что традиціонная формула: „свобода, равенство, братство“ окрашена въ социализмъ „сильнымъ сенсуализмомъ, котораго не было у прежнихъ идеалистовъ“... Краснорѣчивая прибавка!

Но не будемъ останавливаться на деталяхъ и обратимся къ разбору этого принципа по существу.

Давно замѣчено и указано, что знаменитая республиканская

формула, начертанная на всѣхъ порталахъ Франціи, не имѣетъ не только этического, но даже и просто логического смысла.

Въ устахъ же социалистовъ она вдвойнѣ бессмысленна.

Начнемъ съ того, что понятія или, если угодно, принципы: „свобода“ и „равенство“, взятые,—какъ они обыкновенно и берутся,—въ смыслѣ *безусловномъ*, находятся въ кричащемъ противорѣчьи одно съ другимъ.

Безусловная свобода въ организованномъ союзѣ-обществѣ *совсѣмъ немыслима*. Современный культурный человѣкъ прямо-таки скованъ, точно цѣпами, императивами всякаго рода: законами, традиціями, требованіями приличія, такта, общественнымъ мнѣніемъ, партійной программой и т. д. и т. д. Тысячелѣтнее воспитаніе человѣчества наложило на него цѣлую сѣть ограниченій. И справедливо,—потому-что безъ этихъ ограниченій, то-есть при *безусловной* свободѣ каждаго, всѣ страдали бы отъ взаимныхъ вторженій въ сферу личныхъ интересовъ другъ друга. Безусловная свобода, если гдѣ и имѣла мѣсто, то развѣ лишь въ первобытныхъ, внѣкультурныхъ обществахъ. Но тамъ абсолютная свобода однихъ окупалась цѣною рабства другихъ, многихъ, большинства... Этой ли свободы, этого ли возврата къ первобытнымъ условіямъ жизни, съ произволомъ и рабствомъ, хотятъ социалисты?.. Съ другой стороны, еще менѣе можно говорить о всеобщемъ равенствѣ, если мы не обставимъ и этотъ принципъ соотвѣтственными ограниченіями. Быть абсолютно и во всѣхъ смыслахъ равными люди никогда не могутъ, такъ какъ природа налагаетъ на человѣка, въ этомъ отношеніи, свое veto еще въ то время, когда онъ находится въ утробѣ матери: мы рождаемся съ неравными свойствами—физическими, умственными и т. д. Желать, при такихъ природныхъ условіяхъ, быть все же равными и требовать равенства есть чистое безуміе, достойное развѣ лишь сумасшедшихъ фантастовъ.

Отсюда слѣдуетъ, какъ я и сказалъ уже, что свобода и равенство, взятая въ абсолютѣ, суть противорѣчивыя, взаимоисключающія понятія: безусловная свобода одной личности не можетъ терпѣть рядомъ съ собою такой же свободы другой личности. Это очевидно. Поэтому свобода и равенство не суть законы и никогда не будутъ фактами, но суть лишь *постулаты*: къ этому нужно стремиться и—только! Но при этомъ стремленіи необходимо точно опредѣлить, въ чемъ именно каждому человѣку должно быть предоставлено право на свободу и равенство и въ

какихъ предѣлахъ. „Для равныхъ равенство, для неравныхъ неравенство“: вотъ принципъ справедливости! Это хорошо сказалъ Ницше и въ этомъ онъ неопровержимъ. Точно также и свобода: кому, отъ чего и во имя чего свобода?.. Не можетъ быть и тутъ никакихъ безусловныхъ требованій. Свобода людямъ, проникнутымъ вредными, антиобщественными, преступными стремленіями никогда и ни при какомъ строѣ не можетъ быть предоставлена. Не мыслима, наприм., никогда и ни при какомъ строѣ, свобода преступниковъ, субъектовъ съ патологической организаціей или наклонностями и т. д.

Еще менѣе способенъ выдержать логическую критику, при послѣдовательномъ анализѣ, принципъ братства, — именно въ социалистической версіи, когда „братъ“ превращенъ въ „товарища“. Повидимому, именно въ этомъ принципѣ торжествуетъ начало столь прославляемаго, со времени Конта, „альтруизма“. Но понятіе альтруизма есть не что иное, какъ этическая фикція. Альтруизмъ, при позитивно утилитарномъ толкованіи этого понятія, есть просто удвоенный эгоизмъ: „буду о тебѣ заботиться, потому-что иначе ты не будешь о мнѣ заботиться и потому-что вообще намъ обоимъ это будетъ полезнѣе“, — вотъ, въ сущности, и вся этика альтруизма! Различіе между эгоизмомъ и альтруизмомъ, въ сущности, лишь численное, статистическое. Далѣе, въ альтруизмѣ, какъ это превосходно выяснилъ тотъ же Ницше, дано начало обезличивающее и даже опошляющее мысль и дѣятельность. Центръ тяжести здѣсь кладется въ другомъ, независимо отъ этической и умственной высоты этого другого или, точнѣе, другихъ. А такъ какъ духовный уровень большинства лежитъ всегда ниже средняго уровня, то воля товарищества почти всегда является для каждаго отдѣльнаго товарища именно диктатурой, обезличивающей и принижавшей. И всѣ мы хорошо знаемъ этотъ „товарищескій“ терроръ, — не только въ рабочей, но и въ интеллигентной средѣ. Наконецъ, допустимъ, что въ извѣстныхъ предѣлахъ принципъ товарищества или, если угодно, братства есть принципъ благодѣтельный, — допустимъ это, ибо во всякомъ случаѣ, товарищъ о товарищѣ, въ случаѣ солидарности каждаго со всѣми, будетъ заботиться. Но —вѣдь только товарищъ о товарищѣ! Это — узкая классовая этика, не переступающая за предѣлы кружка, партіи и т. д. Это возстановленіе ветхаго закона: „вы слышали, что сказано древнимъ: возлюби ближняго твоего и возненавидь врага твоего“... Вотъ именно! Такъ и социализмъ говорить. Буквально

такъ. „Надъ конгрессами и съѣздами социалистовъ,—пишетъ Зом-бартъ (стр. 172),—витаеть духъ великаго паюса: обнимите другъ друга, *милліоны!*“... Какая характерная фраза! „Милліоны“, но не всѣ! И напрасно, поэтому, социалисты такъ торопятся становиться подъ знамя „идеи всеобщаго братства человѣчества“,—какъ тутъ же, въ противорѣчіе съ самимъ собою, пишетъ Зом-бартъ. Ибо какое ужъ тутъ „всеобщее братство“, когда „боевая этика“ социализма пламенѣеть завистью и ненавистью къ имущимъ классамъ и хотѣла бы на весь пролетаріатъ перевести огонь этой ненависти, чтобы приготовить всемірный социалистическій пожаръ!.. Это, повторяю, не этика всеобщаго братства, и всего меньше христіанская этика, но—возстановленіе варварской отжившей морали, строго отмежевывавшей, и въ теоріи и въ практическихъ отношеніяхъ, „своихъ“ отъ „варваровъ и скивоовъ“.

Формула республиканскихъ порталовъ и социалистическихъ кодексовъ имѣла бы свой разумный смыслъ и нравственное оправданіе единственно лишь въ томъ случаѣ, если быкаждый изъ входящихъ въ нее терминовъ мы обставили соотвѣтствующими ограниченіями.

И прежде всего, свобода должна быть предоставлена каждому человѣку, потому что каждый, дѣйствительно, имѣеть на нее неотъемлемое право, но—лишь при томъ условіи, если онъ самъ же свободно связываетъ себя дисциплиною, общественною, гражданскою и, прежде всего, внутреннею: эгическою, идейною (убѣжденіемъ, міросозерцаніемъ и т. д.), то-есть *свобода дисциплинированная*.

Точно такъ же и равенство должно быть предоставлено каждому, потому что каждый имѣеть и на него право, но—лишь равенство предъ закономъ, совѣстью, Богомъ. По природнымъ же дарамъ, по степени таланта, трудолюбія, работы надъ собою между людьми всегда будетъ, неустранимая никакими искусственными мѣрами, глубокая разниа, градація, *іерархія*, какъ существуетъ она и въ мірѣ выше и ниже человѣка стоящихъ существъ.

Наконецъ, и братство также есть одинъ изъ элементовъ общечеловѣческаго общественнаго идеала. Но—*братство въ любви*, братство существъ, созданныхъ по образу Божію, братство во Христвъ, а не братство узкой, партійной, „товарищеской“ нивеллировки, насильничества и тиранніи, нетерпимости въ отношеніи къ инакомыслящимъ, ведущей къ бойкотамъ, палочной расправѣ и т. д. и т. д., чему мы теперь, въ окружающей насъ жизни, видимъ такъ много примѣровъ.

Извѣстный французскій психологъ-романистъ, Поль Бурже, въ одномъ изъ лучшихъ своихъ романовъ, — къ сожалѣнiю, не переведенныхъ по-русски, — „L'etape“, посвященномъ разработкѣ именно обсуждаемой нами теперь темы, даетъ рядъ яркихъ иллюстрацій того, какъ въ практической жизни крикливый девизъ республиканскихъ порталовъ: „братство, равенство и свобода“ приводитъ, вопреки своему широковѣщательному смыслу, къ стѣсненiю до тираннiи, къ различiямъ до непримиримыхъ контрастовъ, къ братоубійственной ненависти, вмѣсто пресловутаго „братства“... Подводя итоги своему художественному анализу соотвѣтствующихъ явленiй жизни, онъ противопоставляетъ велерѣчивой республиканско-соціалистической формулѣ другую, несравненно болѣе скромную, но вмѣстѣ и несравненно болѣе плодотворную.

Вотъ это замѣчательное и достойное всякаго вниманiя мѣсто изъ романа:

„— Духъ Евангелiй“, — говоритъ въ романѣ зараженный социализмомъ *аббатъ*, — „совпадаетъ съ тремя знаменательными терминами, изъ которыхъ Республика сдѣлала свой девизъ: „Свобода Равенство, Братство“.

„— Я не великiй теологъ“, — возражаетъ аббату одинъ изъ героевъ романа, наиболѣе пострадавшiй отъ исповѣдниковъ этого пресловутаго девиза, — „но много читалъ Евангелiе и, если бы позволилъ себѣ свести евангельское ученiе къ одной краткой формулѣ, то выразилъ бы его въ трехъ другихъ словахъ, составляющихъ прямую противоположность приведенному вами девизу, который вы, аббатъ, находите замѣчательнымъ, но который мнѣ представляется просто лишеннымъ смысла. Эти три слова суть: *Дисциплина, Иерархiя, Любовь*“...

Вотъ, на мой взглядъ, ясное разграниченiе двухъ, принципиально различныхъ, этическихъ началъ, изъ коихъ одно положено въ основу несправедливо-уравнительной („эгалитарной“) этики социализма, а другое — въ основу единственно-справедливой и въ то же время единственно-человѣчной, *всечеловѣческой*, истинно универсально-братской нравственности, она же и нравственность христіанская.

Если же социализмъ и его адепты, тѣмъ не менѣе, будутъ настаивать на своей формулѣ, то для нихъ, при сильномъ наклонѣ той покатости, на которой они столь тщетно думаютъ удержаться, открываются лишь три возможности: 1) или взять принципъ *свободы* и, абсолютировавъ его, перейти къ окровавленному

анархизму; 2) или взять принцип равенства и, абсолютировавъ его, перейти къ коммунизму; 3) или, наконецъ, взявъ принцип братства-товарищества, откровенно перейти въ станъ социаль-демократовъ и социаль-революціонеровъ, съ ихъ жестокою, циничною, оскорбляющею всё начала нравственности и даже простой гуманности, братоубійственной вакханаліею, со всёми ихъ іезуитизмомъ, съ ихъ „краснымъ смѣхомъ“, плохо прикрытымъ флеромъ надежды на грядущее благополучіе „равенства всеобщей сытости“...

А теперь подведу итогъ своему изслѣдованію принциповъ социалистической этики.

Онъ можетъ быть выраженъ въ трехъ положеніяхъ:

1. Социалистическая этика лишена характера всеобщности и обязательности, такъ какъ не только не освящена никакимъ высшимъ (религіознымъ) авторитетомъ и не проникнута никакимъ единымъ идейно философскимъ началомъ, но очевидно и существенно *многoprинципна*.

2. Социалистическая этика *насквозь утилитарна*, такъ какъ, исходя изъ началъ позитивно-матеріалистическаго мірозерцанія и, въ лицѣ своихъ истолкователей, неизмѣнно къ нему тяготѣя, разсматриваетъ человѣка и его дѣятельность, лишь какъ средство для подготовленія, сомнительнаго со стороны своей осуществимости и неизменнаго по своему грубо-матеріальному характеру, довольства грядущихъ поколѣній.

3. Въ практическомъ примѣненіи социалистическая этика *полна компромиссовъ, казуистики и даже іезуитизма*, съ его классическимъ стремленіемъ оправдывать дурныя средства мнимохорошими цѣлями, и, что бы ни говорили панегиристы социализма, онъ не можетъ отрицать своего кроваваго родства со всёми тѣми печальными явленіями (экспроприація, бомбизмъ и проч.), отъ которыхъ такъ жестоко страдаетъ, въ частности, и наша современная жизнь.

4. Какъ проповѣдь не объединенія, но вражды и розни, классовой ненависти и борьбы, какъ мораль „варвара и скиѣа“, социалистическая этика, очевидно, не можетъ содѣйствовать „соціальному умиротворенію“ человѣчества и должна быть рѣшительно осуждена и отвергнута, — и не только въ своемъ практическомъ примѣненіи, но и по существу, въ принципѣ и исходныхъ точкахъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Проф. Алексій Введенскій.

Въ Кремлѣ.

(Изъ дневника москвички).

Сию въ кремлевской оградѣ. Не хочется уходить отъ такой благодати. Вотъ здѣсь я чувствую, что мнѣ Москва дорога, родна. Страшно жаль было бы промѣнять кремлевскія святыни даже на просторъ и тишь дѣвственной природы, если бы только всегда здѣсь, въ самомъ сердцѣ, пребывать и жить, какъ закованной, въ стѣнахъ Кремля, не зная, что творится тамъ, за этими стѣнами... Даже вспомнить не хочется о томъ, что—тамъ. Сердце невольно съ дрожью отвращается даже отъ легкаго намека въ памяти на тлетворную суету...

Обѣдно стояла въ Успенскомъ соборѣ. Столовое пѣніе—на мой вкусъ—идеальнѣйшее пѣніе. Оно, какъ нельзя болѣе, удовлетворяетъ потребности душевной. Какъ—по душѣ мѣрный однотонный речитативъ въ „Вѣрую“, молитвѣ Господней и отвѣтныхъ „Господи помилуй“ на эктенияхъ! Вѣдь именно, вѣчего больше тутъ не требуется, какъ медленное простое произношеніе, не препятствующее мысли углубляться въ слова. Къ чему тутъ какіе бы то ни было фокусы и выкрутасы? А Херувимская, „Тебе поемъ“ своими вольными, уносящимися въ безконечность переливами такъ полны духомъ старины, умѣвшей просто и беззавѣтно вѣрить!.. Въ другой церкви это пѣніе было бы, быть можетъ, неподходящимъ, но въ Успенскомъ соборѣ рѣшительно не хочется другого!

Что за молитва бываетъ у меня въ этомъ соборѣ! Кажется, не о чемъ тебѣ просить, сердце полно только радостью, какъ будто пришла ты въ родной домъ, гдѣ все для тебя есть, въ чемъ ты нуждаешься; остаться бы здѣсь навсегда! Думаешь: если бы помереть здѣсь можно было,—какъ бы хорошо! Ничто тебя не беспокоитъ, оттого и просьбы умолкли въ сердцѣ. Чувствуешь, что вся темная сила далеко осталась за этими святыми стѣнами, нѣтъ ей сюда доступу! Всѣ земныя мысли и чувства замерли. Видно, вѣетъ здѣсь воздухъ, насыщенный въ продолженіе многихъ вѣковъ молитвенными воздыханіями преждепочившихъ предковъ. Видно—тутъ живетъ духъ святителей, чьи мощи здѣсь безмолвно почиваютъ, и молятся они тутъ вмѣстѣ съ нами; оттого здѣсь такъ легко, глубоко дышится въ молитвѣ подъ ихъ защитой и охраной!

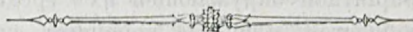
Эхъ!.. такъ бы и не вышла отсюда, изъ темныхъ соборовъ, гдѣ мирно теплятся ясныя лампы, гдѣ такъ задумчиво—тихо и спокойно!..

Царица Небесная,—Милостивая! Пока немного посидѣла въ опустѣвшемъ Архангельскомъ соборѣ, какая-то молодая дама въ траурѣ съ серьезнымъ благоговѣйнымъ лицомъ попросила отслужить молебенъ

съ акаѳистомъ предъ мѣстной иконой Богоматери—„Благодатное Небо“. Прогѣли: „Что Ты наречемъ, о Благодатная“... Да... вотъ ужъ—правда: что Ты наречемъ?! Акаѳистъ священникъ читалъ хорошо. Очень радостенъ былъ для меня этотъ неожиданный случай помолиться Царицѣ Небесной. Господи! Положительно не хочется уходить отсюда!..

Кромѣ молитвы, сколько здѣсь въ Кремлѣ впечатлѣній милыхъ и пріятныхъ! Эти загорѣлыя, съ отпечаткомъ кроткаго, покорнаго терпѣнія, лица дальнихъ богомолковъ, умбющихъ такъ просто, по-христіански, обратиться къ тебѣ: „сестрица!..“ Эти матери, съ простодушной вѣрой пришедшія въ маленькую церковочку положить на минутку своихъ малютокъ „для здоровья“ на каменную ступеньку у иконы св. муч. Уара... Какъ все это радуешь, утѣшаетъ!... Съ сердечнымъ умиленіемъ слѣдишь за ними и внутренно привѣтствуешь ихъ. Тепло-тепло шевелится сердце, и невольно всей душой молишься: „помоги имъ, Господи! Услышь ихъ молитву, спаси, сохрани, воспитай дѣтокъ!..“

Г. Л.

Рѣчь по случаю двадцатипятилѣтія учительской службы учительницы Московской столичной Николо-Ваганьковской 2-клас. церковно-приходской школы М. А. Морозовой *)

„Достоинъ дѣлатель мзды своей...“ „трудожадующіе же въ словѣ и ученіи сугубія чести да сподобляются“ (1 Тим. 3, 18, 17).

Настоящимъ нашимъ торжественнымъ молитвеннымъ собраніемъ здѣсь, по случаю двадцатипятилѣтія учительской службы достопочтеннѣйшей учительницы нашей М. А., мы исполняемъ въ отношеніи къ ней нашъ священный долгъ, налагаемый на насъ и нравственнымъ сознаниемъ каждаго изъ насъ, и положительнымъ закономъ Божиимъ, выраженнымъ въ приведенномъ изреченіи боговдохновеннаго апостола. И благо намъ, что мы такъ серьезно отнеслись къ этому долгу!

Если вообще долговременное служеніе одному дѣлу само по себѣ уже заслуживаетъ вниманія, уваженія, признательности, то тѣмъ болѣе поприще педагогическаго служенія, служенія труднаго и сложнаго, требующаго много силы воли, любви и вѣры въ избранное дѣло. Кому изъ насъ невѣдомо, что трудъ учительскій самый тяжкій трудъ среди всѣхъ трудовъ и служеній обществу? Не всякому подъ силу твердо и неустанно держать въ рукахъ свѣтъ истины и правды и освѣщать имъ

*) Произнесена за молебствіемъ по сему случаю въ Николо-Ваганьковской школѣ 20 мая 1907 г.

дорогу начинающему только жить, неопытному молодому поколѣнію! Не напрасно св. ап. Іаковъ, братъ Господень по плоти, писалъ въ своемъ посланіи: „братія мои! не многіе дѣлайтесь учителями зная, что мы подвергнемся сужденію“ (Іак. 3, 1). Въ самомъ дѣлѣ, сколько нужно имѣть для этого великаго и святаго дѣла страха Божія въ душѣ! Въдѣ, чтобы умѣть преподавать доброе ученіе, нужно сперва научиться бояться Того, Кто благословляетъ и возвращаетъ всякое доброе ученіе. Сколько нужно имѣть христіанской любви въ постоянномъ школьномъ общеніи съ дѣтьми, очень чувствительными ко всякому проявленію любви—любви, которая ихъ оживляетъ, ободряетъ и пріохочиваетъ къ работѣ и занятіямъ! Сколько нужно имѣть сдержанности въ словахъ и такта въ поведеніи въ отношеніяхъ съ дѣтьми, которыхъ нужно научить и говорить благоразумно, и вести себя и благоразумно, и благопристойно! Сколько нужно имѣть терпѣнія, когда приходится встрѣтиться съ такими натурами, которыя туго на развитіе, что, можетъ быть, въ зависимости отъ неблагоприятной окружающей ихъ среды, хотя и нельзя въ нихъ отрицать способностей, и иногда хорошихъ способностей! Сколько нужно имѣть простоты и сердечности въ обращеніи, чтобы привлечь къ себѣ дѣтей, которыя выросли среди простоты, и въ обращеніи съ которыми, въ большинствѣ случаевъ, недоставало деликатности и мягкости!

И вотъ, и мое наблюденіе, въ качествѣ столичнаго наблюдателя церковныхъ школъ, и эти, нынѣ окружающіе чествуемую нами М. А., знаки искренней любви и уваженія и отъ сослуживцевъ, и отъ представителей здѣшняго приходскаго общества, и отъ самыхъ ея питомцевъ, милыхъ дѣтокъ, позволяютъ мнѣ смѣло утверждать, что чествуемая нами М. А., при соотвѣтствующихъ своему дѣлу способностяхъ, при добромъ своемъ сердцѣ и живой вѣрѣ въ Бога съ покорностью путемъ Провидѣнія, обладала и веѣми этими необходимыми качествами для великаго и святаго школьнаго дѣла. Призваніе, добросовѣстное исполненіе долга, глубоко вкоренившаяся любовь къ дѣтямъ и школьному дѣлу, религіозность, нравственная чистота, благородство души и характера,—вотъ все, что и украшаетъ нашу юбиляршу, и ставитъ ее примѣромъ и для ея коллегъ, и для ея безчисленной толпы питомцевъ.

Вѣрьте, досточтимая М. А., что это множество поколѣній дѣвиць, обученныхъ и воспитанныхъ подъ вашимъ усерднымъ и богобоязненнымъ двадцатипятилѣтнимъ руководствомъ въ здѣшней школѣ, питая въ своихъ сердцахъ постоянную къ вамъ любовь и благодарность, едиными устами будутъ возносить непрестанное теплое моленіе къ престолу Отца небеснаго, да продлитъ Онъ драгоценные дни вашего многоплоднаго служенія еще на многіе и многіе годы!

Мы же, ваши сослуживцы, вполне сознавая всю тяготу взятаго вами на себя высокаго подвига и труда, съ искреннею преданностью и сердечностью приносимъ вамъ въ этотъ знаменательный день вашей жизни наши искреннія и задушевные поздравленія и самыя лучшія благопожеланія. Да пребудетъ на васъ и вашихъ добрыхъ дѣлахъ и начинаніяхъ благословеніе Господне! Да сохранитъ васъ Всевышній Владыка на многіе-многіе годы „родителямъ учащихся дѣтей на утѣшеніе, Церкви и отечеству на пользу!“

Не будемъ и мы всѣ, достопочтенное собраніе, безучастны и безплодны въ настоящемъ нашемъ празднествѣ. Вынесемъ отсюда, съ этого праздника, убѣжденіе, что трудовая жизнь школьнаго учителя поистинѣ дорога и высокоцѣнна предъ Богомъ и людьми, и что на глубокомъ почтеніи старшихъ и честномъ трудолюбіи опытныхъ служащихъ въ великомъ дѣлѣ школьнаго народнаго просвѣщенія основывается преимущественно благосостояніе общества, что, любя ученіе и науку, мы должны съ особымъ уваженіемъ относиться къ представителямъ книжнаго обученія, какъ святаго дѣла жизни; если мы укрѣпимъ нынѣшнимъ праздникомъ такое убѣжденіе наше, то это будетъ и для чествуемой нами сослуживцы нашей самымъ желаннымъ плодомъ свѣтлаго ея торжества!

Столичный наблюдатель, Златоустовскій архим. *Алній*.

Прощальное слово воспитанницамъ *).

„Позвольте, наши дорогія, бывшія воспитанницы, сказать вамъ нѣсколько прощальныхъ словъ...“

Представьте себѣ картину тихой семейной жизни. Въ тепломъ домѣ, въ уютной комнатѣ, за столомъ, обильнымъ здоровой пищей и питьемъ, размѣстилась семья изъ старшихъ и младшихъ членовъ. На улицѣ давно уже ненастная, нездоровая погода; слышатся порывы вѣтра, а иногда завываетъ буря, заглушаемая грозными раскатами грома. Но весело въ семьѣ,—такъ тепло, такъ удобно, во всемъ достатокъ; младшіе члены занимаются работой подъ руководствомъ старшихъ; иногда они сосредоточенно прислушиваются къ вою вѣтра и визгу бури, настроеніе ихъ готово испортиться, но опытность старшихъ быстро подмѣчаетъ это и настраиваетъ ихъ на иной, нормальный тонъ. И всѣ довольны, сплоченные крѣпкою духовною связью, всѣ здоровы, благодаря питательной пищѣ и внимательному уходу.

*) Произнесенное въ женской гимназій Мин. Нар. Пров. имени В. П. фонъ-Дервизъ сего 21 мая.

Время, однако, течетъ своимъ чередомъ, молодежь вырастаетъ и тѣлесно, и духовно; время ей покинуть родной, уютный домикъ и итти, разставшись съ своими старшими руководителями, въ безвѣстный путь самостоятельной жизни. Въ добрый часъ! Всякаго счастья и благополучія! И двери дома широко распахиваются.

А на улицѣ еще ненастѣе, вѣтеръ еще сильнѣе и пронзительнѣе, со всѣхъ сторонъ несется пыль столбами, которые то сталкиваются другъ съ другомъ и крутятся винтомъ, то быстро разбѣгаются и какъ бы догоняють одинъ другого. Разыгрывается буря жестокая и какъ бы знаетъ—чѣмъ она разразится. Путники недоумѣваютъ—куда итти? имъ залѣпляетъ глаза, они ищутъ безопаснаго убѣжища...

А оставшіеся ихъ друзья думаютъ и гадаютъ: что-то съ ними будетъ, дойдутъ ли они до цѣли своего пути, останутся ли цѣлы и здоровы, найдутъ ли безопасное пристанище...

Простите меня за эту иносказательную, можетъ быть, очень неискусную, но отъ души изливающуюся рѣчь. Чуткимъ сердцемъ своимъ вы поймете ее, если въ ней что и неясно для ума, по неискусству моего слова. И не обвините меня, а, напротивъ, отъ всей души, надѣюсь, согласитесь со мною въ томъ, что этотъ домъ для насъ съ вами—родной домъ, въ которомъ мы жили до сихъ поръ единою, нераздѣльною семьей, крѣпко связанной духовными узами, жили въ теплѣ взаимной пріязни, среди удобствъ и полного достатка для нашихъ занятій. *Но время всякой вещи подъ небесемъ*—говоритъ „премудрый“. Время намъ съ вами и разстаться; время вамъ выйти изъ этихъ родныхъ вамъ стѣнъ на широкую дорогу жизни. Цѣлый рядъ лѣтъ готовились мы съ вами къ этому важному моменту, готовили взаимно вашъ умственный и нравственный багажъ для предстоящаго вамъ жизненнаго пути. Говорятъ, въ дорогѣ все пригодится,—и говорятъ справедливо. Не теряйте же ничего изъ этого добраго багажа, а, наоборотъ, освѣжайте и восполняйте его. Современная жизнь, на арену которой вы вступаете, дѣйствительно такова, какою я изобразилъ ее иносказательно. Она грозно бурлитъ и кипитъ. А вы знаете, что при всякомъ кипѣніи поднимаются вверхъ, клокочатъ и стремительно кружатся разные подонки, всякая гниль и грязь. Кончится кипѣніе—и вся эта нечисть осядетъ внизъ и уляжется на свое мѣсто, но пока—какъ легко ею заразиться! А между тѣмъ сумятица современной жизни во всемъ разгарѣ. Какъ слабый хрусталь, сброшенный съ своего мѣста, разлетается въ мелкіе куски, такъ и современное общество, сдвинутое со своихъ прежнихъ устоевъ, разбивается на множество партій. Нѣтъ единства мыслей, убѣжденій, а отсюда—и гармоніи дѣйствій. Царитъ разногласіе, борьба междуособ-

ная и вражда, не поддающаяся замиренію. Тяжко жить въ такой атмосферѣ, трудно стоять на правильномъ пути, легко потерять подъ собою почву...

Не подумайте, однако, что я задался цѣлю напугать васъ?! Отнюдь нѣтъ. Моя цѣль обратная: не только предостеречь васъ отъ свойственнаго юности оптимизма и излишей довѣрчивости, но и ободрить, утѣшить, вдохнуть въ васъ твердость и мужество. Какъ бы ни была мутна окружающая насъ жизнь, какія бы опасности ни встрѣтились вамъ на жизненномъ пути, идите смѣло на борьбу, но только несите съ собою истину и добро, но только боритесь съ однимъ зломъ, боритесь честно, побѣждайте правдою и любовію. Помните, что поле дѣятельности для женщины все расширяется и расширяется, что наше время особенно нуждается въ носителяхъ честности, правды и истинной неподдѣльной любви къ ближнему и что такіе дѣятели никогда не останутся одиноки и безпомощны: возстанутъ противъ нихъ злые люди, но не оставятъ ихъ Тотъ, Великій и Всесильный, Который сказалъ въ лицѣ апостоловъ всѣмъ вѣрнымъ Своимъ: *не оставляю васъ сирѣ*. Не будете сиротами! *Приду къ вамъ*—своею благодатною, всесильною помощію. Будьте же во всей предстоящей вамъ жизни вѣрными Тому, Кто побѣдилъ самый источникъ зла!

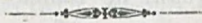
Протоіерей *Сергій Марковъ*.

Присоединенія къ православію изъ раскола въ селѣ Конобѣевѣ.

Въ селѣ Конобѣевѣ, Бронницкаго уѣзда, священникъ о. Николай Скворцовъ въ февралѣ и мартѣ настоящаго года присоединилъ къ Церкви изъ старообрядческаго раскола, именно изъ безпоповщинской Оедосѣевской секты, трехъ человѣкъ. Присоединились два родныхъ брата Давыдъ Степановъ и Егоръ Степановъ Тарасовы, крестьяне села Конобѣева, 26 и 22 лѣтъ, и крестьянинъ деревни Старой, Михаилъ Андреевъ Погодинъ, 30 лѣтъ. Михаилъ Погодинъ по безпоповщинскому оедосѣевскому обычаю жилъ въ незаконномъ бракѣ съ одной православной женщиной; они прижили двухъ дѣтей. Мать присоединила ихъ къ Церкви еще раньше присоединенія ея мужа. Когда присоединился и мужъ, то они пожелали освятить свой бракъ чрезъ церковное вѣчаніе, которое и было совершено надъ ними въ приходской церкви 29 апрѣля. Такихъ невѣнчанныхъ браковъ въ нашемъ приходѣ немало. Но это первый случай, что вступившіе въ него перевѣнчались. Дай Богъ, чтобы этому доброму примѣру нашлись послѣдователи. Вѣдь и сами живу-

щѣ въ бракахъ, заключенныхъ безъ священническихъ молитвъ и благословенія, считаютъ его не законнымъ бракомъ, а блудническимъ житіемъ.

Крестьянинъ села Конобѣва, помощникъ Вронницкаго миссіонера *Андрей Журавлевъ*.

Пятидесятилѣтній юбилей пастырскаго служенія.

16 мая Покровскій Хотьковъ женскій монастырь торжественно праздновалъ день пятидесятилѣтняго служенія о. протоіерея сего монастыря Косьмы Терентьевича Казанцева. Торжество началось наканунѣ торжественнымъ всенощнымъ бдѣніемъ, совершеннымъ юбиляромъ соборнѣ.

Въ самый день празднованія позднюю литургію совершалъ самъ юбиляръ въ сослуженіи духовенства мѣтнаго Сергіево-Посадскаго благочинія и родственниковъ, прѣбывавшихъ въ этотъ день поздравить юбиляра. Пѣлъ полный хоръ монастырскихъ пѣвчихъ и прекрасно исполнилъ нѣсколько потныхъ пѣсеночкѣй. По окончаніи литургіи все духовенство, во главѣ съ юбиляромъ, вышло на средину храма на молебенъ, предъ началомъ котораго мѣтнѣй благочинный протоіерей Христорождественской, что въ Сергіевомъ посадѣ, церкви, о. Михаилъ Багрецовъ, обратился къ юбиляру съ краткой прочувствованной рѣчью, въ которой сказалъ, что духовенство вѣреннаго ему благочинія чрезъ него обращалось съ покорнѣйшею просьбою къ Его Высокопреосвященству Высокопреосвященнѣйшему Владіміру, Митрополиту Московскому, отпраздновать этотъ день и получило Архиапостырское разрѣшеніе почитать юбиляра поднесеніемъ св. иконы. Исполняя это, онъ, благочинный, отъ духовенства и лично отъ себя привѣтствуетъ юбиляра съ знаменательнымъ днемъ пятидесятилѣтняго служенія и въ знакъ любви и уваженія проситъ принять эту св. икону Спасителя и молить Господа Бога, чтобы Онъ на долгіе годы сохранилъ юбиляра. Велѣдъ за симъ настоятельница монастыря игуменія Никандра обратилась къ юбиляру съ слѣдующею рѣчью: «Многоуважаемый о. протоіерей! Я и сестры вѣренной мнѣ обители поздравляемъ васъ со днемъ пятидесятилѣтняго пастырскаго служенія Церкви Божіей. Во свидѣтельство своихъ къ вамъ искреннихъ чувствъ и благожеланій и въ память настоящаго, радостнаго для васъ, событія приносимъ нынѣ вамъ отъ своей любви св. икону Спасителя, Которому вы послужили и посвятили свою долготѣнную жизнь». Послѣ настоятельницы мѣтнѣй священникъ о. Александръ Заозерскій въ словѣ прекрасно очертилъ всю долготѣнную пастырскую дѣятельность юбиляра. Въ отвѣтъ на эти рѣчи о. протоіерей сказалъ, что все, сдѣланное имъ во время пятидесятилѣтняго своего служенія, есть дѣйствіе благодати Божіей, которая, какъ во дни дѣтства и юности, такъ и во дни пастырскаго моего служенія вразумляла и сохраняла его. «Принявъ посвященіе въ іереи отъ великаго святителя—приснопамятнаго Митрополита Филарета, сказалъ онъ,—я и сейчасъ слышу его слова, какъ долженъ вести себя іерей. Исполнилъ ли я его завѣтъ? Не мнѣ судить объ этомъ. Благодарю васъ: матушка игуменія, отцы, братія и сестры за то, что вы почтили мою старость и прошу вашихъ молитвъ, чтобы мнѣ въ покаяніи окончить свою жизнь и безбоязненно предстать предъ Престоломъ Всевышняго». Послѣ торжественнаго благодарственнаго молебна и установленныхъ многолѣтій все духовенство и почетные посѣтители были приглашены юбиляромъ въ его домъ, гдѣ были предложены чай и обѣдъ. Предъ обѣдомъ прибыла депутація отъ прихо-

жанъ села Подсоленья, мѣста прежняго служенія о. протоіерея, во главѣ со священникомъ, и привѣтствовала юбиляра адресомъ и св. иконою «Явленіе Богоматери пр. Сергію, Радонежскому чудотворцу». Во время обѣда были получены поздравительныя телеграммы отъ многихъ духовныхъ дѣтей юбиляра и произнесены рѣчи зятю юбиляра свящ. Стремляновымъ и мѣстнымъ діакономъ Лавровымъ, въ которыхъ юбиляръ очерченъ какъ настоятель, поступающій по словамъ Христа: «Кто хочетъ между вами быть бѣльшимъ, да будетъ вамъ слугою» (Мѡ. гл. 20, ст. 26).

Юбиляръ — сынъ причетника и воспитывался въ Виѡанской Духовной Семинаріи, по окончаніи курса которой въ 1856 году Высокопреосвященнѣйшимъ Филаретомъ, Митрополитомъ Московскимъ, опредѣленъ во священника къ церкви села Ювлева, Дмитровскаго уѣзда въ 1857 году. Первою заботою пастыря было построеніе новаго каменнаго храма, вмѣсто ветхаго деревяннаго, и Богъ благословилъ его труды, и новый храмъ, къ радости прихожанъ, былъ освященъ въ 1863 году. Прослуживши 20 лѣтъ, о. протоіерей по семейнымъ обстоятельствамъ перешелъ въ сосѣдній приходъ села Подсоленья, того же уѣзда, изъ котораго Высокопреосвященнѣйшимъ Сергіемъ, Митрополитомъ Московскимъ, перемѣщенъ на вакансію старшаго священника въ Хотьковъ женскій монастырь, гдѣ продолжаетъ служить и до сихъ поръ. За долговременное и ревностное пастырское служеніе Высокопреосвященнѣйшимъ Владиміромъ, Митрополитомъ Московскимъ, возведенъ въ санъ протоіерея. Почти сорокъ лѣтъ о. протоіерей состоялъ законоучителемъ въ начальной школѣ и имѣлъ всѣ награды до ордена св. Анны 2-й степени включительно.

Діаконъ *Н. Лавровъ.*

ЛѢТОПИСЬ ЕПАРХІАЛЬНОЙ ЖИЗНИ.

Праздникъ въ Вознесенскомъ монастырѣ. 17 мая Вознесенскій монастырь праздновалъ пятисолтѣіе „вхожденія“ въ эту обитель ея основательницы, св. благовѣрной княгини московской Евфросиніи, принявшей въ этотъ день монашество. Наканунѣ всѣмъ монастырскимъ духовенствомъ, съ о. протоіереемъ А. И. Пшеничниковымъ во главѣ, было совершено всенощное бдѣніе съ литією и благословеніемъ хлѣбовъ, во время котораго былъ читанъ акаѡистъ преподобной Евфросиніи. 17 мая соборнымъ служеніемъ была совершена литургія, а у гробницы преподобной молебствіе. Богомольцевъ было много.

Поѣздка Преосвященнаго Серафима. 17 мая Преосвященный Серафимъ, епископъ Можайскій совершилъ поѣздку въ Саввино-Звенигородскій монастырь. 18 мая онъ совершилъ заукоянное богослуженіе въ храмѣ при пріютѣ для духовенства, устроеннымъ г. Медвѣдниковой; 19 мая совершилъ заукоянное богослуженіе въ Александро-Невской кладбищенской церкви г. Звенигорода, а 20 служилъ въ соборномъ храмѣ Саввина монастыря и возвелъ въ санъ шумена казначея этой обители о. Митрофана.

50-лѣтній юбилей. 20 мая причтъ и прихожане Николаевленской, что на Арбатѣ, церкви, чествовали своего уважаемаго о. настоятеля протоіерея І. М. Лебедева за его 50-лѣтнее служеніе св. церкви. Въздствіе своей болѣзни о. Іоаннъ отъ всякихъ чествованій заранѣе отказался и не могъ даже въ день юбилея совершать литургію. Не-

смотря на это, въ квартирѣ юбиляра послѣ литургіи собралось много почитателей и духовныхъ лицъ и дѣтей о. протоіерея. Причтомъ было отслужено молебствіе, послѣ котораго юбиляру было высказано много привѣтствій отъ лица прихожанъ какъ своего храма, такъ и отъ прихожанъ Іліе-Обыденской церкви, гдѣ юбиляръ прослужилъ болѣе 40 лѣтъ. Растроганный до слезъ о. протоіерей сердечно благодарилъ всѣхъ присутствовавшихъ и почтившихъ его въ этотъ знаменательный для него день.

Въ день юбилея о. протоіереемъ была получена масса телеграммъ и писемъ съ поздравленіемъ отъ разныхъ обществъ и частныхъ лицъ. Преосвященный Анастасій прислалъ юбиляру икону въ драгоценной ризѣ.

Крестный ходъ. 21 мая, въ день празднованія чудотворной иконы Владимірской Божіей Матери, былъ совершенъ крестный ходъ изъ московскихъ соборовъ и кремлевскихъ монастырей въ храмъ Владимірской Божіей Матери, что на Никольской улицѣ. Во главѣ торжественной процессіи, сопровождавшейся массой духовенства, шелъ Владыка Митрополитъ Владиміръ, который на Лобномъ мѣстѣ совершилъ чтеніе св. Евангелія и осѣненіе св. крестомъ народа. Во Владимірской церкви богослуженіе совершалъ Владыка Митрополитъ съ о.о. архимандритами: Теофилактомъ и Гавріиломъ и прочимъ духовенствомъ, при пѣніи Синодальнаго хора; проповѣдь произнесъ о. Дмитрій Воздвиженскій. По окончаніи литургіи крестный ходъ, сопровождаемый епископомъ Серафимомъ, возвратился обратно въ Кремль. Стеченіе богомольцевъ было громадное.

Благодарственное молебствіе. 21 мая, на площади предъ Большимъ Успенскимъ соборомъ, по желанію членовъ обществъ хоругвеносцевъ московскихъ соборовъ, было отслужено благодарственное молебствіе по случаю избавленія Государа Императора отъ грозившей Ему опасности. Богослуженіе совершалъ преосвященный Серафимъ, епископъ Можайскій, съ соборнымъ духовенствомъ.

Царская панихида. 22 мая въ Придворномъ Архангельскомъ соборѣ было совершено заупокойное богослуженіе по въ Бозѣ почившей Императрицѣ Маріи Александровѣ. Заупокойную литургію совершалъ преосвященный Серафимъ, епископъ Можайскій, а панихиду владыка митрополитъ Владиміръ съ преосвященными епископами: Трифономъ, Серафимомъ и Анастасіемъ, о.о. архимандритами: Гавріиломъ, Алипіемъ, Анастасіемъ и прочимъ духовенствомъ, при пѣніи Синодальнаго хора. Въ Успенскомъ соборѣ панихиду совершалъ о. протопресвитеръ съ соборнымъ духовенствомъ, при пѣніи Синодальнаго хора.

„БОЖІЯ НИВА“

Троицкій собесѣдникъ для православной семьи и школы.

Въ 1907 году (шестой годъ изданія) съ Божіей помощью будетъ продолжаться по той же программѣ и на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и прежде.

„БОЖІЯ НИВА“ имѣетъ цѣлю оказывать нравственную поддержку всѣмъ, кто трудится въ великомъ дѣлѣ воспитанія дѣтей въ духѣ христіанскаго благочестія; дать этимъ труженикамъ возможность обмѣниваться мыслями по тѣмъ вопросамъ, которые особенно тревожатъ ихъ христіанскую совѣсть; показывать на фактахъ, какъ велико и свято то дѣло, коему они служатъ, какъ и чѣмъ проявляетъ себя это дѣло въ школьной и семейной жизни; въ чемъ состоитъ тотъ идеалъ, къ коему должна быть направлена вся ихъ воспитательная работа. „БОЖІЯ НИВА“ стремится указывать тѣ пути и средства, коими воздѣлывается добрая по природѣ своей нива дѣтскаго сердца. Теплое сочувствіе, съ какимъ повсюду встрѣчено было наше скромное изданіе, даетъ намъ увѣренность, что руководители подростовающаго поколѣнія находятъ въ немъ то, что такъ благопріятно для нихъ особенно въ наше время, время всякихъ тлетворныхъ вѣяній не только въ области воспитанія, но и вообще въ религіозной жизни современнаго общества.

Училищнымъ Совѣтомъ при Св. Синодѣ изданіе одобрено для выписки въ бібліотеки народныхъ школъ. — Епархіальные Училищные Совѣты могутъ вносить „Божію Ниву“ въ списокъ изданій, требуемыхъ ими изъ Училищнаго при Св. Синодѣ Совѣта за счетъ суммъ, ассигнуемыхъ на школьныя бібліотеки.

Въ составъ программы сего изданія входятъ слѣдующіе отдѣлы.

I. Церковь и школа. II. Семья и школа. III. Школа и народная жизнь. IV. Школа, какъ воспитательница эстетическаго чувства. V. Посѣвы и всходы: лѣтопись церковныхъ школъ. VI. Переписка нашихъ читателей. VII. Нашъ дневникъ. Приложенія: „Зернышки Божіей Нивы“. Троицкое чтеніе для дѣтей. (12 №№ въ годъ).

Сроки выхода—12 разъ въ годъ.

Годовая подписка съ приложеніемъ ОДИНЪ РУБЛЬ съ перес.

Подписка на текущій годъ продолжается. Новыя подписчики получаютъ всѣ вышедшіе №№ съ приложеніями. Подписка принимается только въ Редакціи. Желаніе подписываться чрезъ книжные магазины должны предупредить о доставкѣ полной подписной стоимости журнала (1 руб.). Комиссіонная скидка не допускается.

Подписка на полгода и на отдѣльные мѣсяцы не принимается.

Первые пять томовъ Божіей Нивы можно получать въ переплетѣ по 1 р. 25 к. каждый томъ, а въ коленкоровомъ переплетѣ по 1 р. 75 к. съ пересылкой.

АДРЕСЪ: Сергіевъ посадъ, Моск. губ., въ Редакцію „Божіей Нивы“. 3—0

Содержаніе: Страданія Христа и страданія Церкви.—Соціализмъ, какъ нравственная и теоретическая задача.—Въ Кремлѣ.—Рѣчь по случаю 25-лѣтня учительской дѣятельности М. А. Морозовой.—Прощальное слово воспитанникамъ.—Присоединеніе къ Православію.—50-лѣтній юбилей пастырскаго служенія.—Лѣтопись епархіальной жизни—Объявленія.

При семь № прилагается „Московскій Благовѣстъ“ № 19. Цѣна листовъ безъ пересылки 70 коп. за 100, съ пересылкой 90 коп. При выпискѣ на 5 руб., пересылка бесплатно.

Цензоръ

Протоіерей Н. Извъковъ.

Исп. об. редактора

Протоіерей Іоаннъ Восторговъ.

ОФФИЦІАЛЬНЫЙ ОТДѢЛЪ

Московскихъ Церковныхъ Вѣдомостей.

27 мая.

№. 21.

1907 года.

ОПРЕДѢЛЕНІЕ СВЯТѢЙШАГО СИНОДА.

Указомъ Святѣйшаго Синода на имя Его Высокопреосвященства, отъ 11 мая с. г., при церкви села Ильинскаго, на Москвѣ рѣкѣ, Звенигородскаго уѣзда, открыта вторая псаломщическая вакансія съ содержаніемъ изъ мѣстныхъ средствъ.

РАСПОРЯЖЕНІЯ ЕПАРХІАЛЬНАГО НАЧАЛЬСТВА.

Его Высокопреосвященствомъ 15 мая іеромонахъ Московскаго Златоуста монастыря *Авраамій* освобожденъ отъ должности ризничаго названнаго монастыря и на его мѣсто назначенъ іеромонахъ того же монастыря *Виталій*.

Его Высокопреосвященствомъ 3 мая намѣстникъ Чудова монастыря архимандритъ *Арсеній* уволенъ по болѣзни, въ отпускъ съ 25 мая по 25 іюля, съ порученіемъ завѣдыванія монастыремъ казначею онаго игумену *Теодосію*.

Постановленіемъ Епархіальнаго Начальства отъ 16 сего мая сверхштатный псаломщикъ церкви с. Песковъ, Можайскаго у., Иванъ *Бьялевъ* перечисленъ на штатную вакансію псаломщика при той же церкви, нештатная же псаломщическая вакансія при названной церкви закрыта.

Опредѣлены:

1) На вакансію пономаря при Московскомъ Каѳедральномъ Христа Спасителя соборѣ уволенный изъ 3 класса Московской семинаріи Петръ *Антушевъ*, 15 мая.

2) На вакансію священника къ церкви с. Язвищъ, Волоколамскаго у., отрѣшенный отъ мѣста при той же церкви священникъ Сергій *Добролюбовъ*, 15 мая.

3) И. д. псаломщика къ Московской Введенской единовѣрческой церкви, что у Салтыкова моста, бывшій воспитанникъ 3-го класса Коломенскаго дух. училища Петръ *Рождественскій*, 18 мая.

4) На вакансію діакона къ церкви с. Орудьева, Дмитр. у., учитель церковно-приходской школы при Пышношскомъ монастырѣ Николай *Любимовъ*.

Перемѣщены:

1) На вакансію псаломщика къ Московской Троицкой, на Листахъ, церкви псаломщикъ Тихвинской, г. Богородска, церкви Иванъ *Крыловъ*, 11 мая.

2) На вакансію псаломщика къ Московской Воскресенской, за Даниловымъ монастыремъ, церкви псаломщикъ Московской Богородицкой, при убѣжищѣ св. Маріи, церкви Сергѣй *Протопоповъ*, 15 мая.

Уволенъ за штатъ:

Псаломщикъ Московской Троицкой, на Листахъ, церкви Иванъ *Лебедевъ*, согласно прошенію, 11 мая.

Исключенъ изъ списковъ умершій:

Іеродіаконъ Николаевской Берлюковой пустыни *Меводій*, 4 мая.

Содержаніе: Опредѣленіе Святейшаго Синода.—Распоряженія Епархіальнаго Начальства.

Цензоръ
Протоіерей Н. Извъковъ.

Редакторъ Секретарь Консисторіи
П. Беллавинъ.

Типографія И. Ефимова, Бол. Якиманка, собственный домъ.